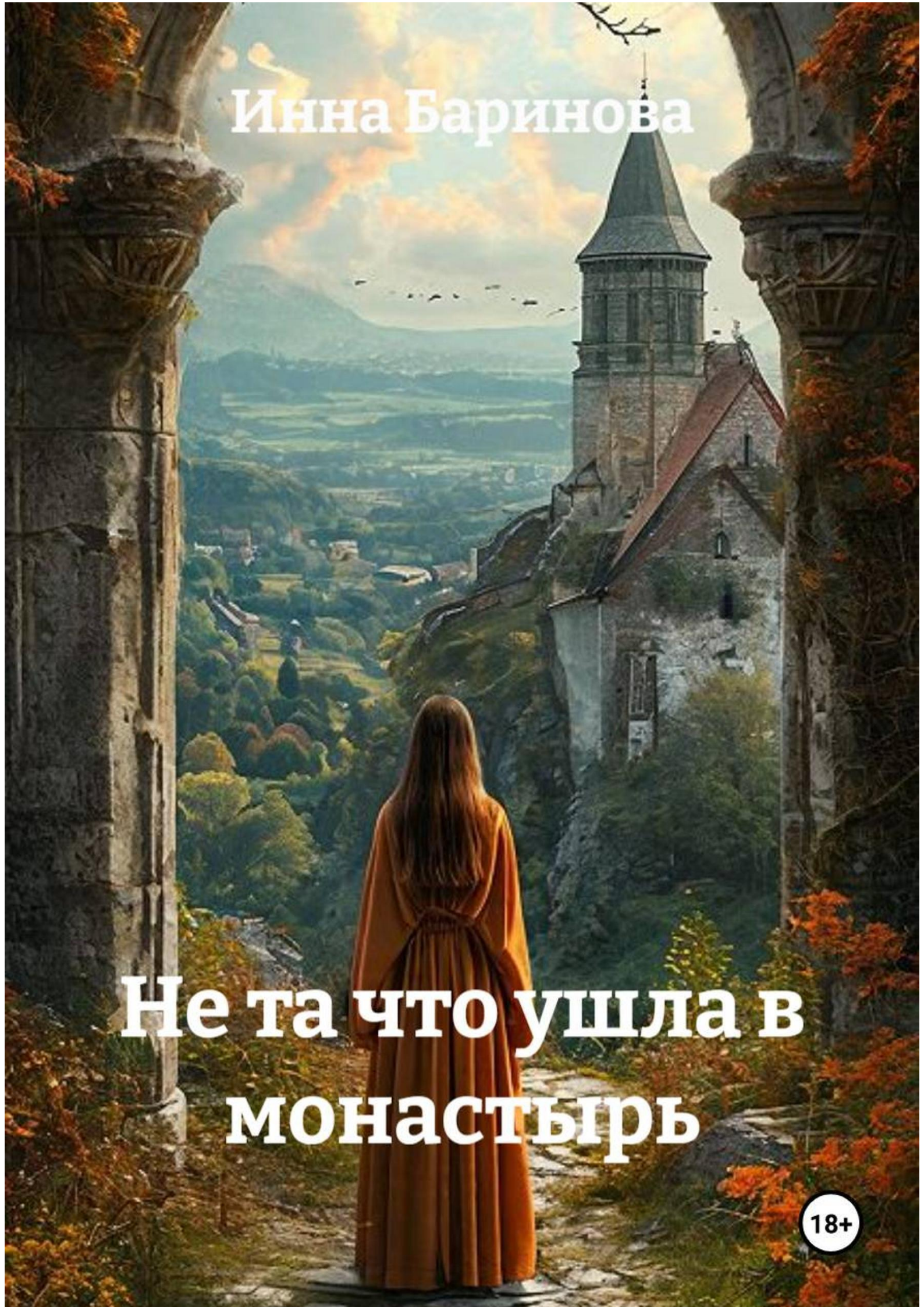

A detailed illustration of a woman in a brown monastic habit standing in a stone archway, looking out over a valley. To the right, a large stone church with a tall, dark spire sits on a hillside. The landscape is lush with green fields and trees, some with autumnal orange and red foliage. In the distance, rolling hills and mountains are visible under a sky with soft, orange-hued clouds. Several birds are seen flying in the sky. The overall mood is contemplative and serene.

Инна Баринова

Не та что ушла в
монастырь

18+

Инна Баринова

Не та что ушла в монастырь

«Автор»

2026

Баринова И.

Не та что ушла в монастырь / И. Баринова — «Автор», 2026

Глубокая психологическая драма о девушке, стоящей на пороге важнейшего решения в своей жизни. Анна, посвятившая себя служению Богу и готовящаяся к поступлению в монастырь, сталкивается с испытанием, которое может изменить её судьбу. Внутренний конфликт между духовным призванием и земными чувствами, между страхом перед жизнью и жадой любви разворачивается на фоне пронзительно точных описаний монастырской жизни и душевных терзаний главной героини. Книга исследует темы веры, самопознания, принятия себя и поиска своего пути. Автор мастерски показывает, как детские травмы, отношения с родителями и общественные ожидания формируют личность человека, заставляя его делать непростой выбор между тем, что навязано извне, и тем, к чему лежит душа. Жанры: Современная проза Психологическая драма Духовная литература Женский роман Социальная проза Философская проза Семейная сага Внутренний монолог Реализм Портретная проза

© Баринова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свеча за здоровье	5
Глава 2. Белый ангел на иконе	6
Глава 3. Ряса и венчальное платье	8
Глава 4. Послушание	11
Глава 5. Сосуд чистый	14
Глава 6. День Ангела	16
Глава 8. Ключ от рая	22
Глава 9. Оттепель	25
Глава 10. Грань	29
Глава 11. Железо и мёд	33
Глава 12. Пустая скиния	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Инна Барина

Не та что ушла в монастырь

Глава 1. Свеча за здоровье

Анна встаёт затемно, как всегда. Она живёт в съёмной квартире, которая больше напоминает келью: белые стены, одна икона (Богородица «Умягчение злых сердец»), книги — святоотеческая литература и жития. Нет зеркала в полный рост — только маленькое для макияжа, которым она почти не пользуется. Она едет в храм, где служит уже два года продавцом в церковной лавке. По дороге она мысленно проговаривает утреннее правило. В её голове всё структурировано: утро — молитва, день — труды, вечер — чтение, сон.

Анна расставляет свечи, просфоры, иконы. Она знает каждого постоянного прихожанина в лицо, знает, у кого какая боль. К ней часто идут говорить о своих проблемах прямо в лавку — пожилые женщины доверяют её тихому голосу и внимательным глазам.

Отец Николай, настоятель, выходит из алтаря и спрашивает:

— Анна, ну что, не передумала?

Она качает головой:

— Батюшка, я твёрда. Как только игуменья Серафима даст ответ, я готова.

Отец Николай вздыхает. Ей кажется, что он хочет что-то сказать, но он только крестит её и уходит.

Ей 26. Она не была влюблена ни разу. В 19 лет, после причастия, она почувствовала то, что описано в житиях как «призыв». С тех пор она выстроила свою жизнь как лестницу к монастырю: закончила катехизаторские курсы, научилась вышивать лики, отказалась от трёх предложений выйти замуж (матери её друзей до сих пор считают её странной).

Её тело для неё — не источник удовольствия, а «сосуд», который должен быть передан Христу в целости. Девственность для неё — не просто физический факт, а доказательство её призвания. Если она не сможет сохранить себя, значит, она и не была достойна.

В лавку заходит женщина с заплаканными глазами. Она просит «свечку за здоровье» сына, который «связался не с той компанией». Анна подаёт свечу, женщина роняет её на пол, начинает рыдать. Анна выходит из-за прилавка, обнимает женщину, гладит по голове, говорит тихо: «Бог не оставит, матушка, молитесь». Женщина поднимает глаза:

— Ты такая добрая, доченька. А у тебя самой кто есть? Муж? Дети?

— Меня ждёт иной Жених, — тихо отвечает Анна.

Женщина смотрит на неё с жалостью и восхищением. Анна чувствует гордость от этого взгляда. Это первая ложная нота, в её смирении всё ещё живёт гордыня — быть «чище», «выше», «избраннее».

Анна закрывает лавку. Идёт пешком до дома. Проходит мимо кафе, где смеются компании. Она смотрит на них как на инопланетян. Ей жаль их — они не знают главного. Она ускоряет шаг.

Дома она открывает папку с документами для монастыря. Сверху — письмо от игуменьи Серафимы, которое пришло сегодня. Анна боится его открыть. Она ставит свечу перед иконой и шепчет:

— Господи, если я достойна — прими меня. Если нет — дай знак.

Свеча горит ровно. Анна не знает, что знак уже стоит за её дверью — в лице Сергея, который придет завтра. Но об этом в следующей главе.

Глава 2. Белый ангел на иконе

Анна засыпает и сон уносит её в детство. Это не линейное воспоминание, а скорее монтаж — обрывки, которые всплывают из подсознания, когда сознание отпускает контроль.

Анне 5 лет. Она сидит на полу в коридоре коммунальной квартиры. Перед ней — ноги взрослых: мамины тапки, чьи-то чужие ботинки. Она смотрит снизу вверх на дверь, которая только что захлопнулась.

— Папа ушёл, — говорит мать. Голос сухой, без слёз. — Навсегда. Теперь мы одни.

Маленькая Анна не понимает, что значит «навсегда». Она понимает только, что мужчина, который пах табаком и подбрасывал её до потолка, больше не придёт. Она ждёт его три дня. Сидит у двери с его тапочком в руках. На четвёртый день мать выбрасывает тапочки. Анна не плачет. Внутри неё образуется тихая пустота в форме мужского силуэта.

Анне 7 лет. Мать приводит её в церковь впервые. Это маленькая деревянная церковь на окраине города. Пасха. Анна ничего не понимает: пахнет ладаном и воском, темно, тесно, люди шепчутся и крестятся. Она смотрит по сторонам, испуганная и замороженная. И вдруг её взгляд падает на икону в левом приделе. Архангел Михаил. Белый ангел в серебряных доспехах. Он попирает копьём дракона. Лик у него не женственный и не мужской в привычном смысле — он светлый, строгий, совершенно спокойный. Он смотрит прямо на Анну. Она не умеет молиться. Она просто смотрит на ангела и чувствует: он её видит. Впервые после ухода отца кто-то мужского облика смотрит на неё не отворачиваясь.

Мать говорит: «Попроси у него что-нибудь».

Анна шепчет: «Ангел, не уходи, как папа».

Анне 9 лет. Она готовилась целый месяц: учила молитвы, исповедовалась в первый раз. На исповеди батюшка спросил: «Грешила ли чем?» Она долго молчала, потом сказала: «Я обманула подружку, что у меня есть папа. Сказала, что он в командировке».

Священник рассмеялся, наложил епитимью — прочитать три молитвы. Анна восприняла это страшно серьёзно. Сам момент причастия она запомнила как вход в другое измерение. Тёплое вино на языке (она знала, что это Кровь Христова), кусочек просфоры. И ощущение, что её обняли. Невидимо, но совершенно отчётливо. Выходя из храма, она сказала матери: «Мама, Он меня теперь не бросит? Он же мой Отец?»

Мать, которая сама была в растерянной вере, ответила: «Не бросит».

Анна поверила. Бог стал тем мужчиной, который не уходит.

Анне 14 лет. В школе начинаются разговоры о мальчиках, первой любви, поцелуях. Подружки делятся впечатлениями, показывают фотографии парней из параллельного класса. Анна чувствует себя чужой. Не потому, что она «неинтересна» — она довольно симпатичная, светловолосая, с большими серыми глазами. Ей пишут записки. Но каждое проявление внимания от мальчиков вызывает у неё смутную тревогу.

Однажды одноклассник Дима догоняет её после школы и говорит: «Ты мне нравишься, давай встречаться». Анна смотрит на него и видит: прыщи, неуверенность, кривые зубы. И думает: «Это он? Этот мальчик — тот, кому я должна отдать себя?» В её голове происходит негласное сравнение: Дима — временный, слабый, земной. А Тот, Кому она принадлежит на самом деле, — вечный, всемогущий, прекрасный (как тот белый ангел на иконе).

Она отказывает Диме. Дома встаёт перед иконой и говорит: «Не волнуйся, я никому Тебя не променяю». Это момент фиксации: в её психике закрепляется схема «земные мужчины = угроза предательства / Небесный Жених = единственная безопасность».

Анне 16 лет. Умирает дедушка — единственный мужчина, который был в её жизни после отца. Он был тихим, немногословным, водил её в зоопарк и покупал мороженое. На похоронах

она не плачет. Стоит у гроба и смотрит на его лицо. Внутри неё что-то окончательно закрывается.

Ночью после похорон она берёт Библию, открывает на Псалтири и читает: «Господь — Пастырь мой, я ни в чём не буду нуждаться». И добавляет свою молитву: «Ты теперь мой Отец, мой Дед, мой Жених. Ты — всё». Она принимает решение: выйти замуж только за Бога. Монастырь становится не просто вариантом, а единственно возможным путём.

Анна просыпается в своей комнате. Свеча догорела. На столе — нераспечатанное письмо от игуменьи Серафимы. Она смотрит на икону Богородицы «Умягчение злых сердец» и на секунду задерживает взгляд на лице Младенца. Маленький Христос — тоже мужчина. Единственный, кому она доверяет. Она берёт в руки письмо, но не открывает. Ей страшно, что там — отказ. Или согласие. Оба варианта пугают по-разному.

— Завтра, — шепчет она. — Завтра я всё решу.

Завтра мать приведёт в гости Сергея.

Глава 3. Ряса и венчалное платье

Суббота. Анна приезжает к матери в панельную пятиэтажку на окраине. Это её обязательное еженедельное послушание — мать не принимает её ухода в монастырь и каждую встречу превращает в битву.

Квартира матери — это кладбище надежд. На комод — фотографии: Анна в выпускном платье (мать тогда ещё надеялась, что дочь пойдёт в университет), Анна с кузиной на свадьбе (Анне 18, она в розовом платье, стоит с краю, не улыбается), и в рамке — вырезанное из журнала фото свадебного платья.

Мать (Ирина Петровна, 52 года, бывшая медсестра, сейчас на пенсии) встречает её у порога с запахом пирогов. Она всегда встречает с пирогами — это её язык любви и язык манипуляции одновременно.

— Худая какая! В монахини собралась, а сама заморила себя. Ешь.

Анна ест, потому что отказ вызовет скандал.

Ирина Петровна режет лук и не плачет. Это её сверхспособность. Анна всегда завидовала этому — умению матери не плакать там, где плачут все.

— Ты письмо-то открыла?

— Нет, мам.

— А чего тянешь? Боишься? Правильно боишься. Потому что не твоё это.

Анна молчит. Мать разворачивается с ножом в руке:

— Анна, посмотри на себя. Тебе 26 лет. У тебя ни мужа, ни детей, ни квартиры, ни жизни. Ты работаешь за копейки в церковной лавке, живёшь в съёмной конуре. Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны?

— Это моя жизнь, мама.

— Жизнь? Это побег. Ты бежишь от жизни. Как твой отец.

Пауза. Мать произнесла запретное слово. Анна белеет.

— Не сравнивай меня с ним.

— А чем ты лучше? Он тоже всё бросил. Исчез. Потому что не мог нести ответственность. Ты такая же. Тебе страшно, и ты прячешься за Бога.

Анна встаёт из-за стола:

— Я уйду.

— Сядь. Я не закончила.

Анна садится. Это их вечный танец: мать бьёт, Анна терпит.

Ирина Петровна уходит в спальню и возвращается с большим белым пакетом. Вытряхивает на диван платье. Оно не новое. Это платье сестры матери, тёти Гали, которое та носила в 1987 году. Силуэт «принцессы»: пышные рукава-фонарики, корсет на косточках, длинная фата. От него пахнет нафталином и непрожитой жизнью.

— Примерь.

Анна смотрит на платье, как на удава.

— Мама, зачем?

— У Валентины Ивановны сын вернулся из армии. Хороший парень. Работает в ГАИ. Я ему твою фотографию показала, он заинтересовался. В субботу приглашает в кафе.

— Ты показала ему мою фотографию?

— А что? Ты красивая. Когда не в этих своих балахонах.

Анна переводит взгляд с платья на икону в углу (Богородица «Всех скорбящих Радость») и обратно.

— Мама, я тебе сто раз говорила. Я не выхожу замуж. Мой Жених — Христос.

— Перестань нести чушь! — голос матери срывается. — Христос тебе детей родит? Христос тебе пенсию даст? Христос будет рядом, когда ты состаришься?

— Он всегда рядом, — тихо говорит Анна.

— Ты с ума сошла! Это всё попы вам в голову вбили. Нормальная девушка должна родить, а не по углам молиться!

Мать подходит к Анне, начинает расстёгивать её кардиган:

— Давай, примерь. Просто примерь. Ты даже не знаешь, как ты можешь выглядеть.

Анна отстраняется. Мать хватает её за руку. Возникает физическая борьба — короткая, жёсткая.

— Пусти!

— Ты моя дочь! Я имею право!

— Моё тело — не твоя собственность!

Анна вырывается, отбегает к двери. Мать остаётся посреди комнаты с платьем в руках. Впервые за вечер она начинает плакать. Не громко, а так, как плачут женщины, которые не умеют просить прощения — сжав губы, глотая слёзы.

— Я ведь для тебя, — говорит она. — Для тебя. Ты думаешь, я вечно буду жить? Кто о тебе позаботится, когда меня не станет? Бог? Он тебе суп сварить придёт?

Анна стоит у двери, дрожит. Она хочет подойти, обнять, но не может. Потому что если она сейчас подойдёт — она проиграет. Она наденет это платье, пойдёт на свидание, выйдет замуж, родит детей, и никогда не станет той, кем должна стать.

— Я не создана для этого, мама. Для пирожков, мужа, ГАИ. Я создана для другого.

— Для чего? — мать поднимает заплаканные глаза. — Для чего ты создана, скажи мне?

Анна хочет сказать: «Для Христа». Но слова застревают в горле. Потому что на секунду она видит себя со стороны — в этой съёмной квартире, с этой фанатичной верой, с этим бегством от жизни — и не узнаёт.

— Я пойду, — говорит она.

— Уходи. Как отец. Уходи.

Анна выбегает из квартиры, бежит вниз по лестнице. На втором этаже останавливается, садится на подоконник. Дрожит. Она смотрит на свои руки: на запястье — красные следы от пальцев матери. Она чувствует себя пойманной. Не матерью — собой. В её голове звучат два голоса:

Голос матери: «Ты бежишь от жизни. Как твой отец».

Голос отца Николая (воспоминание из прошлого): «Не всякое призвание — от Бога. Иногда наша самая пламенная вера — просто способ спрятаться от страха».

Анна зажмуривается. Она вытаскивает из кармана нераспечатанное письмо от игуменьи Серафимы.

— Господи, если Ты действительно меня зовёшь, пусть там будет «да». Если нет — пусть будет «нет». И я послушаюсь. Я послушаюсь в этот раз.

Она не открывает письмо. Она суёт его обратно в карман и идёт пешком через весь город, чтобы вымолить у Бога тот ответ, который хочет услышать. Дома Анна стоит на коленях перед иконой. Она не молится словами — она плачет. Впервые после ухода отца она плачет так — навзрыд, громко, без сдерживания.

— Я не хочу быть как она. Я не хочу пирожков, мужа, ГАИ. Я хочу Тебя. Только Тебя. Почему она не понимает? Почему Ты не даёшь ей понять?

Она поднимает глаза на икону. Богородица смотрит на неё с состраданием, но Младенец — тот самый Младенец, который когда-то был для неё «единственным мужчиной» — смотрит строго. Анна берёт со стола маленькое зеркальце (единственное, которое у неё есть) и смотрит на себя: опухшие глаза, растрёпанные волосы. Она вдруг вспоминает, как мать сегодня сказала: «Ты красивая, когда не в балахонах». И чувствует стыд. Стыд за то, что ей было приятно это

слышать. Стыд за то, что в ней живёт женщина, которая хочет нравиться. Стыд за тело, которое не хочет быть только «сосудом».

— Господи, очисти меня, — шепчет она. — Сделай меня бесплотной. Я не хочу быть женщиной. Я хочу быть только Твоей.

Она берёт письмо, долго смотрит на него, потом прячет под стопку книг, не открыв.

— Завтра. Завтра я буду готова.

Глава 4. Послушание

Анна приезжает в монастырь раз в две недели на выходные, чтобы помогать. Для неё эти дни — глоток воздуха, единственное время, когда она чувствует себя «дома». Монастырь — женский, небольшой, в 40 километрах от города, в глухой деревне. Называется Свято-Крестовский. В нём 12 насельниц, игуменья Серафима управляет им уже 20 лет.

Анна выезжает из города ранним утром на автобусе. Она сидит у окна, смотрит, как панельные дома сменяются полями, и чувствует, как спадает напряжение. В её руках — сумка с гостинцами для сестёр: просфоры, свечи, немного денег на нужды обители. Она отдаёт десятую часть своей зарплаты монастырю. Это её добровольное послушание, которое никто не требовал. Автобус останавливается на полустанке. Дальше — 3 километра пешком. Анна идёт по просёлочной дороге, вдыхает запах полыни и навозной жижи, и ей кажется, что земля здесь пахнет иначе — ближе к Богу.

Монастырь окружён невысокой кирпичной стеной с коваными воротами. Над воротами — икона Спаса Нерукотворного. Анна крестится трижды, кланяется в пояс. Сестра-привратница, монахиня Феодора (70 лет, глуховатая, но с острым взглядом), открывает калитку.

— Анна, с приездом. Матушка велела после трапезы зайти к ней.

Сердце Анны пропускает удар. Вызов к игуменье — это всегда событие. Она перебирает в голове, не сделала ли что-то не так. Она идёт через двор. Монастырский быт открывается ей как идеальный механизм. Направо — огород, где две послушницы в платках полют траву. Налево — коровник и курятник (монастырь живёт своим хозяйством). Прямо — Успенский храм, маленький, деревянный, с тёплым запахом воска и ладана. Рядом — трапезная, келейный корпус, игуменский корпус. Всё чисто, всё на своих местах. Никакой суесть. Тишина, которую Анна называет «говорящей».

Анна получает послушание от казначеи, монахини Евникии (средних лет, с лицом, напоминающим печёное яблоко, деловая и строгая).

— Будешь помогать на скотном дворе. Коровий бог не обидит.

Анна идёт в коровник. Это тяжёлая, грязная работа, но она принимает её с радостью смирения. Для неё физический труд — это молитва телом. В коровнике она встречает послушницу Марию — девушку своего возраста, которая живёт в монастыре уже три года. Мария — полная противоположность Анне: румяная, крепкая, смешливая, с руками, пахнущими сеном и молоком.

— Опять приехала? — Мария усмехается. — Городская наша. Ну, бери ведро, пойдём доить.

Они работают вместе. Анна наблюдает за иерархией. Игуменья Серафима — абсолютная власть. Её слово — закон. К ней обращаются «матушка», перед ней кланяются в ноги только на исповеди. Соборные старицы (Евникея, Феодора, Архелая) — советницы игуменьи, управляют хозяйством и послушаниями. Носят мантию. Рясофорные послушницы — те, кто уже принял иноческое облачение, но ещё не дал обетов. Носят чёрное, но без мантии. Трудницы и паломницы — такие как Анна, которые приезжают на время. Они в миру, но в монастыре соблюдают устав. Мария — рясофорная. Она уже три года ждёт пострига. Анна завидует ей тихой, глубокой завистью.

Трапеза — важнейший ритуал. Сёстры заходят в трапезную после молитвы «Отче наш». Анна стоит в конце, у двери — по чину. Игуменья Серафима сидит во главе стола, отдельно. Она ест молча, сёстры — молча. Читается житие святого дня.

Анна не сводит глаз с игуменьи. Серафима — женщина под 60, высокая, сухая, с острым профилем и серыми глазами, которые, кажется, видят насквозь. Она носит чёрную мантию, чёрный клобук с крепом, на груди — наперсный крест с распятием. Она не улыбается. Нико-

гда. Для Анны это образец человека, который победил плоть. Серафима не имеет возраста, не имеет пола, не имеет слабостей. Она — чистый дух, облечённый в дисциплину.

Анна вспоминает историю, которую ей рассказывали: Серафима была врачом-хирургом, вдовой, потеряла мужа и сына в автокатастрофе. После этого пришла в монастырь. Через 10 лет стала игуменьей. «Она уже оплакала всё, что можно оплакать», — говорили сёстры. Анне кажется, что она тоже хочет «оплакать всё» и стать такой же — бесстрастной, цельной, негибаемой.

После трапезы Анна идёт в игуменский корпус. Это отдельный домик с крыльцом, на котором стоит цветущий куст жасмина — единственное украшение. Она стучится. Голос изнутри: «Входи».

Келья игуменьи аскетична: иконы, стол, кровать, аналой. Но есть одна деталь, которая всегда поражает Анну: на столе, под стеклом, лежит выпцветшая фотография улыбающегося мужчины с мальчиком на плечах — муж и сын. Серафима сидит за столом, перебирает чётки. Она смотрит на Анну тем самым пронзительным взглядом.

— Здравствуй, Анна. Садись.

Анна садится на табурет, как ученица перед учителем.

— Ты привезла документы, которые я просила?

Анна протягивает папку. Серафима просматривает бумаги: автобиография, рекомендация от отца Николая, медицинская справка, письмо-прошение.

— Ты твёрдо решила?

— Да, матушка.

— Почему?

Вопрос застаёт Анну врасплох. Она готовилась к другому — к «когда готова приехать», к «как смотреть за послушаниями».

— Я... я хочу посвятить себя Богу.

— Этого мало. Этого недостаточно, — голос Серафимы ровный, без жестокости, но без жалости. — Многие хотят. Вопрос: от чего ты бежишь?

Анна молчит. Слова матери — «ты бежишь от жизни» — эхом отдаются в голове.

— Я не бегу, матушка. Я иду.

Серафима долго смотрит на неё. Потом переводит взгляд на фотографию мужа и сына, и Анне кажется, что в глазах игуменьи мелькает что-то, похожее на боль. Но это длится секунду.

— Ты знаешь, что монастырь — это не убежище. Это фронт. Здесь война идёт не на жизнь, а на смерть. Со своей волей, с плотью, с отчаянием. Здесь нет анестезии. Ты готова к войне?

— Готова.

— Ты даже не знаешь, что говоришь, — Серафима вздыхает. — Но я не буду тебя отговаривать. Приезжай через месяц. Поживёшь неделю, посмотрим. Если не сбежишь — будем говорить дальше.

Она протягивает Анне просфору и маленькое распятие:

— Иди. Молись. И запомни: Бог любит не тех, кто безупречен, а тех, кто не сдаётся.

Анна выходит из кельи с ощущением полёта. Она получила благословение. Её приняли. Игуменья сказала «приезжай». Она не слышит подтекста: «Если не сбежишь». Она слышит только «приезжай».

Вечерня в маленьком храме. Сёстры поют на клиросе. Анна стоит в углу, закрыв глаза, и чувствует, как голоса поднимают её. Она смотрит на иконостас. В центре — Спас в силах. Справа — Богородица, слева — Иоанн Предтеча. И — Архангел Михаил, тот самый, белый ангел. Анна шепчет: «Я иду к Тебе. Я почти пришла».

После службы — келейное правило. Анна ночует в паломническом доме, на жёсткой койке, под одним одеялом с двумя другими приезжими женщинами. Она не спит. Она смотрит

в тёмный потолок и думает: о матери, которая останется одна; о платье тёти Гали, которое так и висит в шкафу; о водителе автобуса, который завтра повезёт её обратно в город.

И вдруг — страх. Холодный, липкий страх, который она не может объяснить. Он не о монастыре. Он о том, что до монастыря ещё нужно дожить. И в этом «до» есть что-то, чего она боится. Она начинает молиться. Молитва не идёт. Тогда она просто шепчет:

— Господи, забери меня поскорее отсюда. Забери в обитель. Не оставляй меня в миру. Я не справлюсь. Я знаю, что не справлюсь.

Это пророчество, которого она не понимает.

Глава 5. Сосуд чистый

Анна возвращается из монастыря в город. В автобусе, глядя на мелькающие за окном поля, она погружается в размышления о том, что для неё значит «быть чистой».

Анна сидит у окна. Рядом — полная женщина с авоськой, которая всю дорогу жалуется на зятя. Анна не слушает. Она смотрит на поля, и в её голове звучат слова из «Лествицы» Иоанна Лествичника, которые она выучила наизусть:

«Чистота есть усвоение бесплотного естества, победа над естеством, пребывание выше естества».

Она перебирает эти слова, как чётки. «Усвоение бесплотного естества» — вот что она хочет. Стать бесплотной. Победить своё тело, которое кажется ей предателем.

Взгляд падает на её руки, лежащие на коленях. Руки в садах после коровника, ногти обкусаны (дурная привычка, с которой она борется). Женские руки. Руки, которые могут гладить ребёнка, держать мужскую ладонь, готовить ужин мужу. Она убирает руки в рукава кофты.

В 13 лет у неё первый раз начались месячные. Мать, увидев пятно на простыне, сказала: «Ну вот, теперь ты можешь родить. Береги себя, никто чужой эту простыню не увидит». Анна не поняла тогда, что значит «береги себя». Но она запомнила стыд. Стыд за кровь, за тело, за то, что теперь она «может родить».

В тот же день она нашла в интернете жития святых и наткнулась на историю святой Евгении, которая, спасаясь от насильника, молилась, и земля разверзлась под её ногами. Анна тогда подумала: «У меня нет такой веры. Земля не разверзнется. Значит, я должна беречь себя сама». Это была её первая сделка с Богом: я сохраняю чистоту — Ты защищаешь меня

Автобус въезжает в город. Анна смотрит на витрины, на людей, на парочки, держащиеся за руки. Её тело реагирует на это странным образом: сжимается. Она ненавидит эту реакцию. Она хочет быть равнодушной, как Серафима, но вместо этого чувствует то смутное, липкое волнение, которое всегда предшествует падению. Она вспоминает, как в 17 лет, когда она уже твёрдо решила идти в монастырь, ей приснился сон. Во сне мужчина — без лица, но с горячими руками обнимал её, и ей было хорошо. Она проснулась в ужасе, с ощущением, что её предали. Её собственное тело предало её. Она пошла к священнику на исповедь и, краснея до слёз, рассказала о сне. Старый священник (не отец Николай, а его предшественник) сказал:

— Это естественно, дочка. Ты живая. Не мучай себя.

Но Анна не поверила. Она решила, что священник её не понял. Она наложила на себя епитимью: спать на полу, без подушки, читать Псалтирь перед сном. Через месяц сны прекратились. Анна решила, что победила. Она не знала тогда, что сны не уходят. Они просто прячутся.

Анна выходит из автобуса и идёт пешком. В её голове выстраивается стройная система, которую она выносила годами:

Первый уровень: Девственность — это дар. Она получила его от Бога. Не отдать этот дар Христу — значит, украсть у Него то, что принадлежит Ему по праву.

Второй уровень: Тело — это храм. Если храм осквернён, Бог из него уходит. Она не хочет, чтобы Бог уходил.

Третий уровень: В браке девственность приносится в жертву любви — и это свято. Но если она выйдет замуж, она изменит Небесному Жениху. А измена — это грех.

Четвёртый уровень (самый тёмный): Если она потеряет девственность не в браке, она станет «сосудом скверным». Не просто грешницей — а вещью, которая была разбита и не подлежит восстановлению.

Она останавливается у светофора и ловит себя на мысли, что боится не греха, а того, что станет «бракованной» для Бога. Она гонит эту мысль. Она кажется ей кощунственной. Но мысль остаётся.

Три месяца назад. Анна пришла к отцу Николаю за благословением на монастырь. Разговор происходил перед алтарем после службы. Отец Николай (50 лет, уставший, с добрыми глазами и седой бородой) спросил её:

— Анна, а ты когда-нибудь влюблялась?

— Нет, батюшка. Я берегла себя для Бога.

— Это не ответ. Влюблённость не всегда зависит от нашей воли.

Анна молчала. Отец Николай вздохнул:

— Я боюсь за тебя, дочка. Не потому, что ты идёшь в монастырь. А потому, что ты идёшь туда со страхом. Ты боишься мира. Ты боишься мужчин. Ты боишься своего тела. Монастырь — это не место, чтобы прятаться. Это место, чтобы становиться собой.

— Я знаю, кто я, — ответила Анна.

— Ты знаешь, кем ты хочешь быть. Это не одно и то же.

Отец Николай дал ей благословение, но перед этим сказал:

— Запомни одно: Бог не считает тебя «сосудом». Ты для Него — дочь. А дочери не измеряются целостью. Они измеряются любовью.

Анна тогда обиделась на батюшку. Ей показалось, что он пытается её разубедить. Она решила, что он просто не понимает высоты её призвания. Сейчас, идя по городу, она снова вспоминает эти слова — и снова отмахивается.

Анна возвращается в свою квартиру. Первое, что она видит — стопка книг, под которой спрятано письмо игуменьи. Она до сих пор не открыла его. Она садится на колени перед иконой Богородицы. Долго смотрит на лик.

— Божья Матерь, Ты сохранила девство даже в Рождестве. Ты знаешь, что это значит. Помогите мне сохранить. Я не хочу быть как Ева, которая послушалась змея. Я хочу быть как Ты.

Она достаёт из ящика стола записную книжку в чёрном переплёте. Это её «духовный дневник». Она открывает его на чистой странице и пишет:

«Сегодня матушка Серафима сказала, чтобы я приезжала через месяц. Через месяц я буду жить в монастыре. Я наконец-то стану тем, кем должна быть. Господи, я обещаю Тебе: я сохранию себя в чистоте до конца. Моё тело — Твоё. Моя кровь — Твоя. Моя жизнь — Твоя. И если я нарушу это обещание, значит, я Тебя недостойна. И тогда...»

Она задумывается. Что будет «тогда»? Она не может дописать. Вместо этого она закрывает дневник и убирает его под иконы.

Ночью Анне снится сон. Она стоит посреди бескрайнего поля. На ней — белое платье, но не свадебное, а то, в котором она была на первом причастии. В руке — зажжённая свеча. К ней приближается человек в белом. Она думает: «Христос». Но когда он подходит ближе, она видит, что у него нет лица. Просто белая гладкая поверхность вместо лица. Человек протягивает руку. Анна тянется к нему. В этот момент свеча гаснет. Ветер гасит её.

Анна просыпается в холодном поту. Она лежит, глядя в потолок, и чувствует то самое липкое, стыдное возбуждение, которое она так ненавидит.

— Отойди от меня, сатана, — шепчет она.

Но пустота внизу живота не уходит. Анна сжимается в комок, зарывается лицом в подушку и плачет от бессилия. Она не понимает, что её тело просто живое. Она считает это предательством.

Глава 6. День Ангела

Анна просыпается от звонка будильника. 6:30. Она всегда встаёт в 6:30, даже в выходные, но сегодня — особенный день, ей исполняется 27 лет.

Она лежит в кровати, глядя в потолок, и вспоминает, что в 27 лет святая Екатерина приняла мученическую смерть. Ей всегда казалось, что 27 — это возраст зрелости, возраст, когда человек уже должен знать свой путь. Сегодня она, наконец, откроет письмо игуменьи. Она решила. Сегодня.

Она встаёт, умывается холодной водой, читает утреннее правило. Перед иконой Богородицы зажигает свечу — за здоровье матери, за здоровье отца Николая, за здоровье сестёр из монастыря.

— Господи, благослови этот день. Сделай его началом новой жизни.

Она не знает, как пророческими окажутся эти слова.

Анна приходит в храм к 9 утра. Лавка открывается в 10, но она любит приходить пораньше, чтобы побыть в тишине.

Отец Николай встречает её у алтаря:

— Ангела Хранителя, именинница.

— Спасибо, батюшка.

Он протягивает ей небольшой свёрток. Анна разворачивает — это икона святителя Николая, тонкой работы, в деревянном окладе.

— Это вам от меня и от матушки. Святитель Николай — покровитель путешественников. В дорогу пригодится.

«В дорогу» — он имеет в виду монастырь. Анна благодарит, пряча икону в сумку. Ей тепло от того, что отец Николай благословляет её путь, даже если в глубине души сомневается.

В лавке её ждёт сюрприз. Прихожанки — те самые бабушки, которые каждый день заходят за свечами и просфорами — накрыли маленький стол в трапезной: чай, печенье, конфеты «Птичье молоко» (её любимые).

— Аннушка, с именинами! Дай Бог тебе здоровья, жениха хорошего, деток здоровеньких!

— Матушки, я в монастырь собираюсь, — напоминает Анна, но они её не слушают.

Раиса Павловна (70 лет, вечно недовольная, но добрая) дарит вязаный платок:

— Чтоб головку не продуло, а то в монастыре-то сквозняки.

Зинаида Ивановна (80 лет, глуховатая, но с острым языком) дарит большую коробку конфет и, шепча на ухо:

— Это не тебе, это, когда гости будут. А гости у тебя будут, я тебе говорю. Не игуменьями едиными.

Любовь Михайловна (60 лет, бывшая учительница) дарит книгу — не жития, а сборник стихов Анны Ахматовой.

— Ты женщина, Анна. Не забывай об этом.

Анна улыбается, принимает подарки, но внутри ей неловко. Она чувствует, что эти женщины любят не ту Анну, которой она хочет быть. Они любят в ней девушку, которая выйдет замуж и родит детей. А она хочет, чтобы её любили за призвание.

— Спасибо, матушки. Вы очень добры.

Она прячет конфеты под прилавок, чтобы раздать детям из воскресной школы. «Птичье молоко» оставляет себе. Одна коробка.

В обед звонит мать. Анна выходит на паперть, чтобы поговорить.

— С днём рождения, дочка.

- Спасибо, мам.
- Я тут пирог испекла. Приезжай вечером.
- Мам, я не могу. У меня планы.
- Какие планы? В церковной лавке планы? Анна, ты серьёзно? Я пирог пекла.
- Я... ко мне подруга приедет.
- Врёшь.

Пауза.

- Мам, правда. В другой раз.
- Как хочешь. Только письмо от игуменьи открыла?
- Нет ещё.
- Откроешь когда? На пенсии? Анна, ты просто смешная.

Мать бросает трубку. Анна смотрит на экран, чувствуя знакомое давление в груди. Она не поедет. Она не поддастся. Сегодня она откроет письмо сама, без материнского контроля. Она возвращается в лавку, но настроение испорчено.

Лавка закрывается в 18:00. Анна гасит свет, проверяет замки, собирает подарки. На улице уже темно, ноябрь, слякоть. Она выходит из храма и видит чёрную машину, припаркованную у ворот. Из машины выходит молодой мужчина. Он высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, уложенными гелем, и ярко-синими глазами. На нём — чёрная кожаная куртка, джинсы, дорогие ботинки. Он держит в руках огромный букет красных роз.

- Анна? — он улыбается. Улыбка уверенная, немного нахальная.

Анна не узнаёт его.

- Это вы. Я Сергей. Сын Веры Павловны. Вы с моей мамой в храме общаетесь.

Анна вспоминает. Вера Павловна — одна из прихожанок, недавно пришла в храм после того, как её сын «вернулся с армии» (так она говорила). Мать несколько раз заговаривала о нём, но Анна не придавала значения.

- А... да. Здравствуйте.
- Мама сказала, у вас сегодня день рождения. И велела передать подарок.
- Он протягивает розы. Анна не берёт.
- Это очень... неожиданно. Но я не принимаю цветы от незнакомых мужчин.
- Сергей смеётся. Смех у него громкий, открытый, беззастенчивый.

— Ну вот мы и познакомились. Сергей. Можно Серёжа. А вы Анна. Теперь не незнакомые.

Он насильно вкладывает букет ей в руки. Розы пахнут тяжело, сладко, почти душно. Анна стоит с букетом, чувствуя себя неловко и глупо.

- Спасибо. Передайте маме спасибо.

— Да я сам хотел. Мама говорит, вы в монастырь собрались. Жалко, красивая девушка, а в монашки.

Анна краснеет. Ей хочется сказать что-то острое, но слова застревают в горле.

- Мне пора.
- Я подвезу. Темно уже, одной опасно.
- Нет, спасибо. Я на автобусе.
- Автобусы ходят плохо. Давайте, я настаиваю.

Он открывает дверцу машины. Анна видит, что внутри — кожаный салон, пахнет дорогим освежителем. Это мир, в котором она никогда не была и в который не хочет входить.

- Я сказала — нет. Спасибо.

Она разворачивается и быстро идёт к остановке. Розы она оставляет в храме.

Анна садится в автобус. Сердце колотится. Она не понимает, почему так разволновалась. Мужчина просто хотел быть вежливым. Или нет?

Она смотрит в окно. На следующей остановке в автобус заходит Сергей. Он садится на переднее сиденье, оборачивается и улыбается ей.

— Вы цветы забыли, — говорит он громко, чтобы слышали все.

Пассажиры оборачиваются. Анна чувствует, как её лицо заливается краской.

— Я не забыла. Я не взяла.

— Ну зря. Красивые розы. Как вы.

Анна смотрит в окно, делая вид, что не слышит. Она молит Бога, чтобы автобус ехал быстрее. На её остановке она выскакивает, почти бегом направляясь к дому. Она слышит сзади шаги — Сергей идёт за ней.

— Анна, подождите! Я не кусаюсь!

Она оборачивается:

— Что вам нужно?

— Просто поговорить. Вы какая-то... напряжённая. Я же ничего плохого не сделал.

— Я не хочу говорить. Я вообще не хочу знакомиться. Я готовлюсь к поступлению в монастырь, и у меня нет времени на... это.

— На что — «на это»? — он ухмыляется. — На общение? На дружбу?

— На мужчин. У меня есть Жених.

Сергей смотрит на неё с любопытством, как на забавный экспонат.

— Жених? А где он? В Бога, что ли, вы влюблены? — он смеётся. — Ну вы даёте. Ладно, не буду мешать. Но я всё равно приду.

— Не надо.

— Увидимся, Анна.

Он разворачивается и уходит, насвистывая что-то из рока. Анна стоит на ветру, дрожа, и не понимает, что сейчас произошло. Она заходит в подъезд, поднимается к себе, запирает дверь на все замки. И только тогда замечает, что всё ещё сжимает в руке икону святителя Николая, которую утром положила в карман.

Анна сидит на кухне, пьёт чай. Конфеты «Птичье молоко» лежат перед ней. Она съедает одну, потом вторую. Сладость не приносит утешения. Перед ней лежит письмо игуменьи. Она берёт его, переворачивает в руках. Конверт помялся, края залоснились от того, сколько раз она его трогала, не решаясь открыть.

Она думает о сегодняшнем дне. О розах, которые остались лежать на ограде. О синих глазах Сергея. О том, как её тело дрожало, когда он шёл за ней. Она ненавидит эту дрожь. Она ненавидит, что не может контролировать себя.

— Господи, — шепчет она. — Я не хочу этого. Я хочу только Тебя. Сделай так, чтобы он не пришёл. Сделай так, чтобы я была спокойна.

Она открывает письмо.

Почерк игуменьи — мелкий, чёткий, без единой пометки:

«Дорогая Анна!

Твоё прошение рассмотрено. Мы готовы принять тебя на испытательный срок. Приезжай 15 декабря.

Но прежде чем ты приедешь, я должна спросить тебя как врач (ты знаешь, я была врачом): готова ли ты? Не твоя душа — о душе мы поговорим позже. Готово ли твоё тело? Ты много лет готовила душу к монастырю, но готовила ли ты тело?

Монастырь — это не побег от плоти. Это принятие плоти и её преображение. Если ты бежишь от своей женской природы, ты принесёшь в обитель не мир, а войну.

Подумай об этом. И если решишь приехать — приезжай с открытым сердцем, а не с запертым на замок.

С молитвой о тебе, игуменья Серафима».

Анна перечитывает письмо три раза.

«Готово ли твоё тело?» — этот вопрос бьёт. Она не знает, готово ли её тело. Она даже не знает, что это значит. Она думает о Сергее. О том, как её тело отреагировало на него. Страхом. Но также — чем-то ещё. Чем-то, что она отказывается называть. Она кладёт письмо на стол, закрывает лицо руками.

— Я не побегу, — шепчет она. — Я не побегу от плоти. Я просто... я просто не хочу её иметь.

Она ложится спать, но долго не может уснуть. Ей кажется, что внизу, под окнами, всё ещё стоит чёрная машина. Она не смотрит в окно. Она боится увидеть.

Глава 7. Молитва о наваждении

5:30. Анна встаёт на час раньше обычного. Она решила усилить молитвенное правило. Она раскладывает перед собой: часослов, псалтирь, акафист Богородице, Иисусову молитву — 300 раз на чётках. Она встаёт на колени перед иконой. Пол холодный. Она не надевает тапки — пусть тело знает, кто здесь главный.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную.

Раз, два, три... Она старается не думать ни о чём, кроме слов. Но между десятым и двадцатым разом в голове всплывают синие глаза. Она сжимает чётки так, что дерево впивается в ладонь.

— Отойди, сатана.

Сорок первый, сорок второй... Она представляет, как слова молитвы становятся стеной вокруг неё. Непробиваемой. Белой. Каменной. На сотом разе она чувствует облегчение. Ей кажется, что она победила.

Анна приходит в лавку. В храме — служба. Она слышит пение и чувствует себя в безопасности. В 11 часов она выходит на улицу размять ноги. И видит Сергея. Он стоит у входа, оперевшись на капот своей чёрной машины. В руках — маленький пакет.

— Привет, монашка, — улыбается он.

— Здравствуйте, — Анна сухо кивает и идёт обратно в храм.

— Постой! — он догоняет её. — Я тебе шоколад принёс. Мама сказала, ты любишь «Птичье молоко». Вот.

Он протягивает пакет. Анна не берёт.

— Спасибо, но я не принимаю подарки.

— Это от мамы, а не от меня.

— Передайте маме спасибо. Мне нужно идти.

Она разворачивается. Сергей хватает её за руку.

— Стой. Почему ты от меня бегаешь?

Анна смотрит на его руку на своём запястье. Красные следы от пальцев. Она дёргается.

— Не трогайте меня.

Он отпускает, поднимает руки в примирительном жесте.

— Извини. Не хотел. Но ты правда странная. Я к тебе по-человечески, а ты...

— А я готовлюсь к поступлению в монастырь. У меня нет времени на... это.

— На что — «на это»? — он снова ухмыляется. — На то, чтобы быть живой?

Анна смотрит на него. В его глазах — не насмешка, а искреннее недоумение. Он правда не понимает, что делает не так.

— Простите, мне пора.

Она уходит в храм, заходит в лавку и запирает дверь. Через окно она видит, как Сергей стоит, смотрит на закрытую дверь, потом пожимает плечами, кладёт пакет на ступеньки и уезжает. Анна смотрит на пакет. Ей хочется выйти и забрать его. Не потому, что она хочет шоколад. А потому, что она хочет, чтобы он остался. Она не выходит.

Вечером Анна идёт на исповедь к отцу Николаю. Она стоит в очереди, перебирая в голове грехи: раздражалась на мать, ленилась, осуждала... Она не говорит о Сергее. Она не говорит о

влечении. Она не говорит о том, что ночью, в полусне, представляла его руки на своём теле. Когда она подходит к аналою, отец Николай смотрит на неё внимательно.

— Что скажешь, Анна?

— Грешна, батюшка. Во всём.

— Это общее. А конкретное?

Она молчит. Слова застревают в горле. Как она скажет? «Батюшка, я хочу мужчину, хотя обещала себя Христу»?

— Я... я чувствую наваждение, — выдавливают она.

— Какое наваждение?

— Бесовское. Меня искушают... помыслы.

Отец Николай молчит. Потом говорит тихо:

— Анна, слушай меня. Не всё, что нам трудно, — от бесов. Иногда то, что мы называем «искушением», — просто наша человеческая природа, с которой мы не научились жить.

— Но я хочу быть бесплотной.

— Ты не бесплотна. Ты живая женщина. И это не грех.

Анна поднимает на него глаза. В них — отчаяние.

— Батюшка, я не хочу быть женщиной. Я хочу быть только душой.

Отец Николай вздыхает. Он накрывает её голову епитрахилью и читает разрешительную молитву. А перед этим шепчет:

— Бог создал тебя женщиной, Анна. Не воюй с Ним.

Она выходит из храма с чувством облегчения и стыда одновременно. Она получила прощение за грехи, которые не назвала. И это мучает её.

Ночь. Анна не спит. Она лежит на спине, глядя в потолок, и читает Иисусову молитву. Но слова путаются, и вместо «Господи, помилуй» в голове звучит «Сергей». Она встаёт, идёт в ванную, умывается ледяной водой. Смотрит в зеркало. В зеркале — красивое лицо. Светлые волосы, серые глаза, бледная кожа. Губы — чуть припухшие, розовые. Она ненавидит эти губы. Она ненавидит свои глаза. Она ненавидит своё тело, которое предаёт её.

Ей снится сон. Она стоит в храме. Вокруг — темно, только перед иконостасом горят свечи. Она в белом платье, с длинными волосами. К ней подходит Христос. Она видит Его лик — тот самый, с иконы Спаса в силах. Он протягивает руку. Она делает шаг вперёд. И вдруг лик Христа меняется. Это уже не Спас, а Сергей. Синие глаза, тёмные волосы, ухмылка. Он берёт её за руку. Рука горячая, сильная.

— Ты моя, — говорит он.

Анна хочет закричать, но не может. Хочет оттолкнуть, но тело не слушается. Вместо этого она чувствует, как её тянет к нему. Она просыпается в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем. И снова — то самое липкое, стыдное чувство внизу живота.

— Господи, — шепчет она. — За что Ты меня оставил?

Она не понимает, что Бог здесь ни при чём. Она воюет сама с собой.

Анна решает ужесточить пост. Она перестаёт есть всё, кроме хлеба и воды. Она спит на полу, без подушки. Она читает акафисты до изнеможения. Через три дня она едва держится на ногах. В лавке она путает цену свечей, забывает, куда положила просфоры. Раиса Павловна смотрит на неё с тревогой:

— Аннушка, что с тобой? Ты худая, как щепка.

— Решила сменить имидж, — Анна пытается улыбнуться.

— Дура ты, — неожиданно жёстко говорит Раиса Павловна. — Не имидж тебе нужен, а есть нормально. Иди поешь.

Анна не идёт. На пятый день поста у неё кружится голова в храме. Она падает в обморок прямо во время службы. Очнулась она в подсобке, на стуле, с наштатырём у носа. Рядом — отец Николай.

— Анна, — голос у него строгий, — что ты творишь?

— Я... я борюсь, батюшка.

— С кем? С Богом? С собой? Ты же себя губишь!

— Я должна умереть для мира.

— Ты должна жить для Бога. Жить, а не умирать. Живые не морят себя голодом. Сейчас же иди поешь. Это приказ.

Анна идёт в трапезную. Ест суп. Каждая ложка даётся с трудом — не физическим, а духовным. Она чувствует, что проигрывает битву.

Вечером звонит мать.

— Дочь, что с тобой? Мне Раиса Павловна звонила, сказала, ты в обморок упала.

— Всё нормально, мам.

— Нормально?! Ты себя моришь! Из-за чего? Из-за того парня, который за тобой ухаживает? Она мне всё рассказала.

— Мам, никто за мной не ухаживает.

— Сергей, сын Веры Павловны. Она говорит, он от тебя без ума. Ходит к храму, цветы носит, а ты его гоняешь. Ты что, дура? Нормальный парень, при деньгах, из хорошей семьи!

— Мам, я в монастырь собираюсь. Я не собираюсь замуж.

— Ты собралась в монастырь, потому что у тебя мужика не было! Если бы тебя кто-то нормально полюбил, ты бы и не думала ни о каком монастыре!

Анна бросает трубку. Она сидит в темноте, сжимая телефон, и чувствует, как в ней поднимается ярость. Не на мать. На себя. Потому что в глубине души она знает: мать права. Если бы она позволила себе любить — по-человечески, по-земному — она бы не пряталась за стенами монастыря. Но она не позволит. Она не сдастся.

Ночь. Анна стоит на коленях перед иконой. Под глазами — тени, лицо бледное, стрижка торчит в разные стороны. Она молится, но слова не идут. Она открывает рот — и не может выдать ни звука. Вместо молитвы она вдруг чувствует пустоту. Огромную, чёрную, ледяную пустоту внутри. Ей кажется, что Бог ушёл. Что Он оставил её одну с этим влечением, с этим телом, с этим Сергеем.

— Господи, где Ты? — шепчет она.

Тишина.

— Я делаю всё, что Ты велишь. Я молюсь, я пощусь, я борюсь. Почему Ты не помогаешь?

Тишина.

— Я не хочу быть женщиной! Я хочу быть Твоей! Почему Ты сделал меня такой? Зачем Ты дал мне это тело? Зачем Ты дал мне это сердце, которое хочет того, чего я не должна хотеть?

Она падает лицом в пол и рыдает. Рыдает так, как не плакала с детства. В какой-то момент рыдания стихают. Анна поднимает голову и видит перед собой икону Богородицы. Богородица смотрит на неё с состраданием. Рядом — икона Спаса. Анна вдруг замечает, что Богородица на иконе не бесплотна. У неё есть тело. Она была женщиной. Она рожала. Она кормила грудью.

— Ты понимаешь? — шепчет Анна. — Ты понимаешь, каково это?

Иконописный лик не отвечает. Но Анне кажется, что она слышит внутри себя тихий голос:

«Я понимаю. Я была женщиной. Я любила. Я страдала. Я была матерью. И Я не перестала быть святой».

Анна вздрагивает. Это была не галлюцинация — это был миг ясности, который длится секунду и исчезает. Она встаёт с колен, вытирает лицо. Смотрит на себя в маленькое зеркальце: красные глаза, опухшее лицо, лохматые волосы.

— Я не сдамся, — говорит она своему отражению. — Я не сдамся.

Но она уже сдалась. Она просто не знает этого.

Глава 8. Ключ от рая

Сергей изменил тактику. Он больше не давит. Он стал мягче, почти нежен. В понедельник он ждёт её после работы и просто говорит:

— Привет. Как день прошёл?

— Нормально.

— Я не буду ничего предлагать. Просто хотел убедиться, что ты доехала. Пока.

Он уходит. Анна стоит в растерянности. В среду он снова появляется, но уже с термосом.

— Это чай. С мёдом. Не подарок, просто согреться. Холодно же. Он протягивает термос. Анна берёт. Чай действительно горячий, сладкий, с мятой. Она пьёт, и её тело расслабляется вопреки воле.

— Спасибо, — говорит она.

— Не за что. Пока.

Он уходит. Анна смотрит ему вслед и ловит себя на мысли, что ждёт его завтра. В пятницу она выходит из храма и не видит его. Ни машины, ни его самого. Пусто. Она чувствует... разочарование. И тут же ненавидит себя за это. Она идёт на остановку, садится в автобус. И вдруг видит его — он сидит на заднем сиденье, у окна, и улыбается.

— Сюрприз. Решил сегодня без машины. Экология, знаешь ли.

Анна садится через два кресла от него. Всю дорогу они молчат. Но молчание это — наполненное.

Когда она выходит на своей остановке, он выходит следом.

— Сергей, зачем вы это делаете? — она поворачивается к нему. — Я же сказала: у меня нет времени на это. Я ухожу в монастырь.

— А когда уходишь?

— Через две недели.

— Две недели, — он кивает, как будто что-то подсчитывает. — Значит, у меня есть две недели.

— Что — у вас?

— Показать тебе, что ты не хочешь в монастырь.

Анна замирает. В его голосе нет насмешки. Он говорит это спокойно, как констатацию факта.

— Вы меня не знаете.

— Я знаю, что ты красивая. Я знаю, что ты добрая. Я знаю, что ты молишься так, будто от этого зависит твоя жизнь. И я знаю, что ты ни разу не улыбнулась по-настоящему.

Анна открывает рот, чтобы ответить, но не находит слов.

— Один раз, — говорит Сергей. — Один раз погуляем. Если тебе будет плохо — я отстану. Даю слово.

— Ваше слово... — она не доверяет ему.

— Я не сделаю ничего, чего ты не захочешь. Обещаю.

Анна смотрит на него. Синие глаза, открытое лицо, лёгкая улыбка. Он кажется ей опасным и притягательным одновременно.

— Хорошо, — слышит она свой голос. — Один раз. В воскресенье. После службы.

Сергей улыбается — широко, искренне.

— Отлично. Я заеду в два.

Он разворачивается и уходит, насвистывая. Анна стоит на ветру, чувствуя, как её колотит. Она только что сказала «да». Она, которая всегда говорила «нет».

Она идёт домой и всю дорогу уговаривает себя: *«Это просто прогулка. Я докажу себе, что мир не имеет надо мной власти. Я посмотрю на него — и отвернусь. Как Христос в пустыне»*. Она не понимает, что уже не отвернулась.

Воскресенье. Анна просыпается рано, идёт на раннюю литургию. Она стоит на службе, но мысли её далеко. Она выбирает, что надеть. В её гардеробе — только юбки ниже колена, водолазки, платки. Всё тёмное, серое, чёрное. Она смотрит на себя в маленькое зеркало. Она вдруг понимает: она хочет понравиться ему. Эта мысль вызывает панику. Она падает на колени перед иконой:

— Господи, прости меня! Я слабая, я грешная. Не дай мне упасть. Напомни мне, кто я.

Она достаёт из шкафа свою «монашескую» одежду — длинную чёрную юбку, серый свитер с высоким воротом, чёрный платок. Она одевается так, чтобы выглядеть как можно менее привлекательной. Перед выходом она замечает на столе коробку конфет «Птичье молоко» — ту самую, что подарила Зинаида Ивановна. Она кладёт несколько конфет в карман. Просто так. Она выходит из дома в чёрном, с платком на голове, с иконой святителя Николая в кармане. Она готова к битве.

Сергей встречает её у подъезда. Он в джинсах, тёмно-синем пуховике, без шапки. Смотрит на её одежду и молчит. Никаких комментариев.

— Куда поедет? — спрашивает Анна.

— Сюрприз.

Они едут в городской парк. Анна не была здесь много лет. В детстве мать водила её на аттракционы, но после ухода отца эти поездки прекратились. В парке — зима, деревья в инее, дорожки посыпаны песком. Мало людей. Сергей ведёт её к пруду, где плавают утки.

— Любишь уток? — спрашивает он.

— Не знаю. Никогда не думала.

Он покупает в ларьке пакет с хлебом и протягивает ей. Анна кидает крошки уткам. Утки с криком сбегаются. Она невольно улыбается.

— О! — Сергей замечает. — А ты говорила, что не улыбаешься.

— Я не говорила.

— Глазами сказала.

Она замолкает. Ей неловко, но почему-то не страшно.

Они идут по аллее. Сергей рассказывает о себе: армия, работа в ГАИ (скучно, но платят неплохо), мать, которая «заела» своим хождением в церковь. Он говорит легко, без напряжения. Анна слушает и понимает, что он простой. Не злой, не сложный. Просто человек, который живёт так, как живётся.

— А ты? — спрашивает он. — Почему в монастырь?

— Призвание.

— А по-человечески? Не по-церковному?

Анна молчит. Она не знает, как сказать «по-человечески».

— Боишься, — вдруг говорит Сергей.

— Чего?

— Жизни. Мужчин. Себя. Поэтому и прячешься.

Анна останавливается.

— Вы ничего не знаете.

— Знаю. Ты из тех, кто боится жить. Вместо того чтобы жить, ты молишься. Вместо того чтобы любить, ты прячешься за Бога.

— Не смейте говорить о Боге.

— А я о тебе говорю. О тебе, Анна. Ты живая. Я вижу, как ты смотришь на уток, как ты улыбнулась. Ты живая. Зачем ты убиваешь себя?

Анна чувствует, как слёзы подступают к глазам. Она не хочет плакать. Не при нём.

— Отвезите меня домой, — говорит она.

— Анна...

— Домой.

Они едут молча. Сергей не включает музыку. Анна сидит, сжавшись, глядя в окно. Она чувствует себя раздетой. Не физически — он не прикасался к ней. Но он увидел то, что она прятала годами. Он сказал вслух то, что она не решалась сказать себе: «*Ты боишься жить*». Она ненавидит его за это. И она благодарна ему за это. И это разрывает её. Машина останавливается у её дома. Анна выходит, не прощаясь.

— Анна, — Сергей выходит следом. — Я не хотел тебя обидеть.

— Вы меня не обидели. Вы меня... — она не находит слова.

— Что?

— Вы меня сбили. Я всю жизнь строила себя, а вы пришли и за один день...

— Не за один день. Я уже две недели пытаюсь до тебя достучаться.

— Зачем? Зачем я вам?

Сергей смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Потому что ты настоящая. Все вокруг играют роли, а ты — нет. Ты искренняя, даже когда ошибаешься.

Анна смотрит на него. В его глазах — не похоть, не желание «завоевать». Что-то другое. Что-то, чего она не умеет называть.

— Мне нужно идти, — говорит она.

— Я знаю.

Она поворачивается и идёт к подъезду. На полпути останавливается. Достает из кармана конфеты «Птичье молоко». Возвращается, протягивает ему.

— Это вам. За... за прогулку.

Сергей берёт конфеты. Улыбается.

— Спасибо.

Анна уходит. Она не оборачивается. Но она чувствует его взгляд на своей спине.

Анна сидит на кухне, пьёт чай. Перед ней — духовный дневник. Она открывает его на чистой странице. Долго смотрит на пустую бумагу. Потом пишет:

«Сегодня я ходила на прогулку с Сергеем. Я хотела доказать себе, что мир не имеет надо мной власти. Я не доказала. Мир оказался сильнее. Я улыбалась уткам. Я слушала его рассказы. Я хотела, чтобы он смотрел на меня. Я дала ему конфеты. Какая же я глупая. Но я не упала. Я не позволила ему прикоснуться ко мне. Я осталась чистой. Значит, я сильнее, чем думаю. Господи, прости меня за эту слабость. Я больше не пойду на прогулки. Через две недели я уезжаю в монастырь. И тогда всё это останется в прошлом.»

Она закрывает дневник и убирает его под иконы. Перед сном она достаёт письмо игуменьи и перечитывает последнюю фразу: «*Если решишь приехать — приезжай с открытым сердцем, а не с закрытым на замок*». Она не понимает, что её сердце сейчас открылось — на щелочку. И что эта щелочка уже не закроется. Она ложится спать. Перед сном шепчет:

— Господи, сохрани меня. Я Твоя. Только Твоя.

Она засыпает с мыслью о синих глазах.

Ей снится сон. Она стоит перед закрытыми воротами монастыря. В руках — ключ. Она пытается открыть ворота, но ключ не подходит.

Она оборачивается. Сзади стоит Сергей. В руках — второй ключ, другой.

— Ты ищешь не ту дверь, — говорит он.

Анна просыпается. Лежит в темноте, глядя в потолок. Понимает, что не знает, какая дверь её.

Глава 9. Оттепель

Понедельник. Сергей не пришёл. Анна выходит из храма после работы и смотрит на пустое место, где обычно стояла его машина. Она ловит себя на этом взгляде — и одёргивает.

— Слава Богу, — говорит она вслух. — Отстал.

Она идёт на остановку. Автобус пустой. Она садится у окна и всю дорогу смотрит на дверь, ожидая, что он войдёт. Он не входит.

Вторник. Сергея нет. Анна работает в лавке, но мысли её далеко. Она путает свечи, дважды даёт сдачу не тому человеку. Раиса Павловна замечает:

— Ты чего, Аннушка? Сама не своя.

— Всё нормально, — отвечает Анна, но голос её звучит фальшиво.

Вечером она открывает дневник и пишет:

«Сергей исчез. Слава Богу. Значит, это было просто искушение, и Господь убрал его с моего пути. Я свободна. Через десять дней я уезжаю в монастырь. Всё правильно».

Она закрывает дневник, но чувствует, что слова на бумаге — ложь. Ей не слава Богу. Ей пусто.

Среда. Она выходит из храма и видит чёрную машину. Сергей стоит у капота, греет руки в карманах. Увидев её, улыбается.

— Привет. Соскучилась?

— Нет, — отвечает она слишком быстро.

— А я соскучился. Работа завалила. Но теперь я свободен.

Он открывает дверцу машины.

— Хочешь, прокатимся? Я знаю одно место. Там красиво.

Анна смотрит на машину. Внутренний голос, который она так хорошо знает, шепчет: *«Остановись. Скажи нет. Иди домой».*

— Хорошо, — говорит она. — Недалеко только.

Она садится в машину. Внутренний голос замолкает. Или она перестаёт его слышать.

Сергей везёт её за город, на смотровую площадку на холме. Оттуда виден весь город — огни, дома, церковные купола.

— Красиво, — говорит Анна, и это правда.

— Я сюда часто приезжаю, когда думается, — говорит Сергей. — Там, внизу, всё суeta, а здесь — тихо.

Они стоят у ограждения. Ветер, снег под ногами, вдалеке — закат. Анна смотрит на город и вдруг чувствует себя так, будто смотрит на свою прошлую жизнь. Там, внизу, её келья-квартира, её храм, её иконы, её молитвы. Всё это кажется таким далёким сейчас.

— О чём думаешь? — спрашивает Сергей.

— О том, что я здесь, — честно отвечает Анна. — Я не должна была здесь оказаться.

— Почему?

— Потому что я... я другая.

— Другая? — он поворачивается к ней. — Анна, ты такая же, как все. Ты просто боишься это признать.

— Я не боюсь.

— Боишься. Ты боишься, что если позволишь себе быть обычной — ты перестанешь быть особенной. А ты хочешь быть особенной.

Анна смотрит на него. Он снова сказал то, что она не решалась сказать себе.

— А вы? — спрашивает она. — Вы особенный?

— Я обычный. Мне это нравится.

Он достаёт из машины термос с чаем, наливает ей. Они пьют чай, глядя на закат.

- Расскажи о себе, — просит Сергей.
- Что рассказать?
- Всё. Почему ты стала такой? Кто тебя обидел?
- Никто меня не обижал.
- Тогда почему ты спряталась?

Анна молчит. Потом начинает говорить. Сначала нехотя, потом — всё свободнее. Она рассказывает об отце, который ушёл, когда ей было пять. О матери, которая так и не простила. О том, как впервые пришла в храм и увидела ангела на иконе. О том, как решила, что Бог — единственный мужчина, который её не бросит. Сергей слушает. Не перебивает. Не даёт советов. Просто слушает. Когда она заканчивает, у неё были мокрые щёки. Она не заметила, как начала плакать.

- Прости, — она вытирает лицо рукавом. — Я не должна была...
- Не извиняйся. Ты никогда не рассказывала это никому?
- Нет.
- Почему мне?

Анна думает. Потом отвечает:

- Потому что вы... вы спросили.

Сергей смотрит на неё. В его глазах — не жалость. Что-то другое. Уважение, кажется.

- Ты сильная, — говорит он. — Ты не сломалась после того, что с тобой сделали.

- Со мной ничего не делали. Я сама выбрала свой путь.

— Тебя бросил отец, мать тебя не понимает, ты росла одна. И ты выжила. Это называется сила.

Анна никогда не думала о себе в таких терминах. «Сильная». Она всегда считала себя слабой — потому что пряталась. Но может быть, выжить — это тоже сила?

Они возвращаются в город поздно. У её дома Сергей выключает двигатель.

— Анна, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты знала. Ты не обязана быть только тем, кем ты стала, когда тебе было пять лет. Ты можешь быть кем захочешь.

- Я хочу быть в монастыре.

- Ты уверена?

Она смотрит на него. Хочет сказать «да». Но слово не выходит.

- Увидимся завтра? — спрашивает Сергей.

- Увидимся.

Она выходит из машины. Идёт к подъезду. На полпути оборачивается. Сергей всё ещё сидит в машине, смотрит на неё. Она машет рукой. Он улыбается.

Анна сидит на кухне, пьёт чай. Перед ней — духовный дневник. Она открывает его и смотрит на то, что писала раньше. Слова кажутся ей чужими. «Сосуд чистый», «Небесный Жених», «бесплотное естество» — откуда всё это? Кто это писал? Она закрывает дневник и убирает его в ящик стола. Не под иконы, а просто в ящик. Она встаёт перед иконой. Смотрит на Богородицу.

— Я не знаю, что со мной, — шепчет она. — Я не знаю, кто я. Я думала, я знаю, но теперь... Я не хочу быть с ним. Или хочу? Я не понимаю.

Она ждёт ответа. Тишина.

- Ты молчишь. Почему Ты молчишь?

Тишина. Анна ложится спать. Перед сном она не молится. Она просто лежит и смотрит в потолок, думая о синих глазах, о закате, о том, как он слушал.

«Остановись» — шепчет внутренний голос, но так тихо, что она его почти не слышит. Она засыпает без молитвы. Впервые за много лет.

Они начинают встречаться каждый день. Не свидания в обычном смысле. Сергей забирает её после работы, они едут в кафе (она заказывает чай, он — кофе), гуляют по городу, разговаривают. Анна узнаёт его.

Он служил в армии, в разведке («не спрашивай, не могу рассказывать»). У него были девушки, но «ничего серьёзного». Он любит рок, особенно «Кино» и «Алису». Он не верит в Бога, но верит в «справедливость». Мать он любит, но она его «достала» своим хождением в церковь.

Анна слушает и удивляется, как просто с ним. С ним не нужно быть «святым сосудом». С ним можно просто быть. Она замечает, что меняется. Она перестала носить платок на голове. Она купила в секонд-хенде светлый свитер (не чёрный, не серый — светло-голубой). Она начала смотреть на себя в зеркало без отвращения. Она съела коробку «Птичьего молока» за один вечер — и не почувствовала вины. Внутренний голос шепчет всё тише. Иногда он кричит — по ночам, когда она просыпается в три часа и чувствует, что теряет себя. Но днём, с Сергеем, она не слышит его.

В пятницу Анна приходит на исповедь. Отец Николай смотрит на неё и видит изменения.
— Ты другая, Анна. Что происходит?

— Я... я встречаюсь с молодым человеком.

Отец Николай молчит. Потом говорит:

— Это тот самый Сергей?

— Да.

— Ты счастлива?

Анна задумывается. Счастлива ли она?

— Я... я не знаю. Я чувствую себя живой. Но я чувствую вину. Я обещала себя Богу.

— Бог не ревнует, Анна. Он не требует, чтобы ты была несчастной ради Него.

— Но я хотела в монастырь. Я думала, это моё призвание.

— Может быть, это было твоим призванием — тогда. А теперь — другое.

— Я боюсь, — шепчет Анна. — Я боюсь, что если я выберу мир, я потеряю себя. Я стану... обычной.

— А что плохого в том, чтобы быть обычной?

— Я не знаю. Я всегда была особенной. Я была... чистой.

Отец Николай смотрит на неё с печалью.

— Анна, ты не икона. Ты живая женщина. И чистота твоя — не в теле. Она в сердце. Сердце твоё чистое, я вижу. Но если ты будешь мучить себя за то, что ты живая, ты погубишь и сердце.

Анна выходит из храма. Она смотрит на небо, на облака, на снег. Она не знает, что делать. Сергей ждёт её у храма. В руках — маленький пакет.

— Это не подарок, — говорит он заранее. — Это просто... я увидел и подумал о тебе.

Анна открывает пакет. Там — шарф. Мягкий, белый, пушистый.

— Зачем? — спрашивает она.

— Ты мёрзнешь всё время. А у тебя даже нормального шарфа нет. Твои платки — они красивые, но они не греют.

Анна надевает шарф. Он действительно тёплый. И пахнет чем-то сладким — его парфюмом.

— Спасибо, — говорит она.

— Пойдём, я хочу тебе кое-что показать.

Он ведёт её в парк, к пруду. Теперь пруд замёрз, идёт снегопад. Фонари освещают снежинки, и они кажутся золотыми.

— Красиво, — шепчет Анна.

— Да, — он смотрит не на снег, а на неё.

Анна чувствует его взгляд. Она знает, что сейчас произойдёт. Она знает, что должна остановиться.

«*Остановись*» — кричит внутренний голос в последний раз.

Она не останавливается. Сергей берёт её за руку. Её рука в его — маленькая, холодная. Его — большая, горячая. Она не отнимает руку.

— Анна, — говорит он. — Я...

— Не надо, — перебивает она. — Не говори ничего. Просто... просто постой со мной.

Они стоят под снегопадом, держась за руки. Анна чувствует, как её сердце бьётся где-то в горле. Она чувствует себя живой. Так живой, как никогда. Она не думает о монастыре. Не думает о Боге. Не думает о чистоте. Она думает только о том, как его рука сжимает её пальцы.

Анна дома. Она сидит на кровати, обнимая подушку. На ней — белый шарф, она его не сняла.

Звонит телефон. Сергей.

— Ты дома?

— Да.

— Я хочу тебя видеть. Можно я приеду?

Анна смотрит на часы. 22:30.

— Поздно, — говорит она.

— Я ненадолго. Просто посидим, поговорим.

Внутренний голос: «*Скажи нет. Это опасно. Ты знаешь, чем это кончается*».

— Хорошо, — говорит Анна. — Приезжай.

Она вешает трубку и смотрит на себя в зеркало. Белый шарф, светлый свитер, распущенные волосы. Она не похожа на ту Анну, которая была месяц назад. Она не знает, кто она теперь. Она идёт на кухню, ставит чайник. Достает конфеты «Птичье молоко» — последние.

— Это просто чай, — шепчет она. — Просто разговор. Я не сделаю ничего плохого.

Она не знает, что это последняя ночь, когда она ещё может остановиться. Через час она откроет дверь. И мир перевернётся.

Глава 10. Грань

Они идут от парка пешком. Снегопад усилился, город утонул в белой мгле. Фонари горят тускло, сквозь снежную пелену.

Анна идёт, задрав голову, ловя ртом снежинки. Она смеётся — легко, по-детски.

— Ты как ребёнок, — говорит Сергей, глядя на неё.

— А что? Когда я последний раз ловила снежинки ртом? Я не помню. Может быть, в детстве.

— В детстве все ловят. Потом перестают.

— Почему?

— Потому что взрослеют. Начинают думать, что это глупо.

— А вы? Вы ловите?

Сергей смотрит на неё, потом запрокидывает голову и открывает рот. Снежинка падает ему на язык. Он смеётся.

— Ловлю. Когда никто не видит.

Анна чувствует, как её сердце расширяется. Этот мужчина, такой сильный, такой «взрослый», ловит снежинки ртом. Он не стесняется быть глупым. С ней. Они идут дальше. Анна замечает, что идёт ближе к нему, чем обычно. Их плечи почти касаются. Она не отодвигается.

— Замёрзла? — спрашивает Сергей.

— Немного.

Он снимает свою перчатку, берёт её руку. Её рука холодная, его — горячая. Он сжимает её пальцы, греет своим дыханием.

— Ты вся ледяная, — говорит он. — Совсем себя не бережёшь.

Анна смотрит на его губы, которые касаются её пальцев. Тёплые. Она чувствует, как кровь приливает к лицу.

— Мне тепло, — говорит она.

Она не про руку.

Они доходят до её дома. Старая панельная пятиэтажка, облупленная штукатурка, тусклая лампочка над подъездом. Сергей останавливается, не заходя внутрь.

— Спасибо за вечер, — говорит он.

— Это мне спасибо. Вы... вы показали мне город. Я никогда не видела его таким.

— Каким?

— Красивым.

Он смотрит на неё. В его глазах — что-то, от чего у неё перехватывает дыхание.

— Анна, — говорит он. — Я хочу тебя спросить. Не бойся, ничего страшного. Просто... ты мне нравишься. Очень. И я хочу знать, есть ли у меня шанс?

Анна молчит. Она знает, что должна сказать. «Нет, у меня есть Жених», «Я уйду в монастырь», «Это грех», «Остановись». Вместо этого она говорит:

— Я не знаю.

— Это честно, — он кивает. — Я подожду.

Он наклоняется и целует её в лоб. Коротко, легко, почти по-отечески. Анна замирает. Его губы — тёплые, мягкие. Она чувствует запах его парфюма — сладкий, древесный.

— Спокойной ночи, Анна.

Он отступает, готовясь уйти.

— Сергей, — говорит она.

Он оборачивается.

— Вы... вы не хотите зайти? На чай? У меня есть «Птичье молоко».

Сергей смотрит на неё. На его лице — удивление, потом улыбка.

— Ты уверена?

— Да. Это просто чай.

Она говорит это так, будто убеждает себя. Она уже идёт к двери, открывает домофон. Сергей идёт за ней.

Подъезд пахнет сыростью и кошачьей мочой. Лампочка на первом этаже мигает.

— Не очень, — Анна чувствует неловкость. — У меня тут...

— Нормально, — перебивает он. — Я в таких же домах вырос.

Она нажимает кнопку лифта. Лифт не работает — уже месяц.

— Придётся пешком, — говорит она. — Пятый этаж.

— Ничего, я молодой, здоровый.

Они поднимаются. На третьем этаже Анна спотыкается — ступенька сколота. Сергей подхватывает её за локоть.

— Осторожно.

Он не отпускает её локоть. Она не убирает руку. Они так и идут — его рука на её локте — до самого пятого этажа.

Они стоят перед её дверью. Обычная деревянная дверь, два замка, глазок.

Анна достаёт ключи. Руки слегка дрожат. Она не понимает — от холода или от волнения.

— Волнуешься? — спрашивает Сергей.

— Немного.

— Я ничего не сделаю, чего ты не захочешь. Помнишь, я обещал?

— Помню.

Она вставляет ключ в замок. Поворачивает. Замок щёлкает. Второй замок. Щёлк.

Дверь открывается. Из квартиры пахнет воском и сухими травами — её запах, запах её жизни.

Она переступает порог. Включает свет в коридоре.

— Проходи.

Сергей переступает порог.

Он в её доме. Впервые.

Анна закрывает дверь. Слышит, как замок защёлкивается.

Сергей оглядывается. Коридор узкий, на стене — икона Богородицы. Он смотрит на неё, потом на Анну.

— Уютно, — говорит он. — Тихо.

— Я люблю тишину.

— Я заметил.

Он разувается. Анна смотрит на его ботинки — большие, мужские, стоящие рядом с её маленькими сапожками. Странное чувство — мужская обувь в её прихожей. Она никогда не думала, что это может быть так... естественно.

— Проходи на кухню, — говорит она. — Я поставлю чай.

Он идёт за ней. Проходит мимо комнаты, замечает иконы, стопку книг, узкую кровать. Не комментирует. На кухне Анна включает чайник. Достаёт чашки — две. Раньше она всегда ставила одну.

— Садись, — говорит она.

Сергей садится на табурет. Смотрит, как она достаёт конфеты, раскладывает на блюде. Она чувствует его взгляд и краснеет.

— Что? — спрашивает она.

— Ты красивая, — говорит он. — Когда не думаешь о том, как выглядишь.

Анна не знает, что ответить. Она ставит чашки на стол, садится напротив. Чайник закипает. Она заваривает чай — мятный, свой любимый.

Они пьют чай. Анна ест конфету — последнюю «Птичье молоко». Сергей смотрит на неё.

— Ты изменилась, — говорит он.

— Как?

— Когда я впервые тебя увидел, ты была... закрытая. Как шкатулка, у которой потеряли ключ. А сейчас ты открываешься.

— Это хорошо?

— Это красиво.

Она отводит взгляд. Ей неловко, но приятно. Ей очень приятно.

— Расскажи мне ещё что-нибудь, — просит она.

— О чём?

— О себе. О чём угодно.

Он рассказывает. О том, как в армии они с ребятами смотрели на звёзды и гадали, есть ли там жизнь. О том, как в детстве он разбил окно в школе и его чуть не выгнали. О том, как он впервые влюбился — в 14 лет, в учительницу литературы.

Анна слушает, смеётся, задаёт вопросы. Она не заметила, как съела все конфеты. Не заметила, как перестала дрожать. Она замечает только, что смотрит на его губы. Когда он говорит, когда смеётся. Она хочет прикоснуться к ним. Она хочет, чтобы он прикоснулся к ней. Она пугается этой мысли. И не пугается.

— Анна, — говорит он. — Ты смотришь на меня.

— Я... я слушаю.

— Ты не слушаешь. Ты смотришь.

Он встаёт из-за стола. Подходит к ней. Останавливается в шаге.

— Я могу поцеловать тебя? — спрашивает он.

Анна смотрит на него снизу вверх. Ей 27 лет, и её никогда не целовали. Её губы помнят только причастие.

— Я... я не знаю, — шепчет она.

— Я спрошу ещё раз. Можно?

Внутренний голос, который молчал весь вечер, просыпается:

«Скажи нет. Встань. Отойди. Скажи, что пора спать. Он уйдёт. Ещё не поздно».

— Можно, — шепчет Анна.

Он наклоняется. Медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстраняется. Его губы касаются её губ. Мягко, нежно, почти робко. Анна закрывает глаза. Она не знала, что поцелуй может быть таким. Не тем, о чём шептались подружки в школе. Не тем, что показывают в фильмах. Он — тихий. Как молитва. Как первый снег. Она чувствует его дыхание, вкус мяты, тепло его рук, которые ложатся ей на плечи. Она не думает о Боге. Не думает о грехе. Не думает о чистоте. Она думает только о том, что сейчас, в эту секунду, она живёт. Поцелуй заканчивается. Сергей отстраняется, смотрит на неё.

— Анна, — говорит он. — Я...

— Не надо ничего говорить, — перебивает она. — Просто... побудь со мной.

Он кивает.

Они переходят в комнату. Анна садится на кровать. Сергей садится рядом.

— Тебе пора? — спрашивает она, но в голосе нет желания, чтобы он ушёл.

— Мне не пора, — отвечает он. — Я никуда не спешу.

Он берёт её за руку. Переплетает пальцы.

— Анна, — говорит он. — Я не буду делать ничего, чего ты не хочешь. Я обещал. Но я хочу, чтобы ты знала: я хочу быть с тобой. Не сегодня. Не завтра. Но я хочу, чтобы ты стала моей.

Анна смотрит на их переплетённые руки. Его — большая, тёмная. Её — маленькая, бледная.

Она думает о том, что завтра должна открыть дневник и написать: «Я поцеловала мужчину. Я пала». Она думает о том, что через неделю должна была уехать в монастырь. Она думает о том, что игуменья Серафима сказала: «Приезжай с открытым сердцем». Её сердце открыто. Открыто так, как никогда.

— Сергей, — говорит она. — Я...

Он наклоняется и целует её снова. Дольше. Глубже. Анна чувствует, как его руки скользят по её спине, как её тело тянется к нему. Она не отстраняется. Она не говорит «нет». Она не говорит «остановись». Она обнимает его за шею и отвечает на поцелуй.

Сергей отстраняется. Дышит тяжело.

— Анна, — голос у него хриплый. — Если ты хочешь, чтобы я ушёл — скажи сейчас.

Она смотрит на него. Его глаза — тёмные, расширенные. Она видит в них желание. И она видит в них вопрос.

«Скажи "уйди". Встань. Открой дверь. Ещё не поздно».

Анна открывает рот.

— Остайся, — говорит она.

Сергей смотрит на неё секунду. Потом снова целует — уже не нежно, а жарко, требовательно. Он толкает её на кровать.

Анна лежит на спине, глядя в потолок. Над ней — Сергей. Его руки на её теле. Его губы на её шее. Она чувствует, как её свитер задирается вверх. Холодный воздух касается живота. Она чувствует, как его рука скользит под одежду.

«Остановись» — кричит внутренний голос, но уже не ей, а ему. Он не слышит.

— Сергей, — шепчет она. — Может быть...

Он целует её, заглушая слова. Её тело реагирует на него. Она не хочет этого или хочет? Она не понимает. Всё смешалось: желание и страх, нежность и паника. Его рука расстёгивает пуговицу на джинсах.

«Скажи "нет". Скажи "нет". Скажи "нет"».

— Сергей, — говорит она громче. — Я не...

— Тш-ш-ш, — шепчет он. — Всё хорошо. Ты хотела этого. Ты сама сказала «останься».

Она хотела? Она сказала «останься». Она сказала. Это правда. Она закрывает глаза. Над ней — потолок. Старый, облупленный потолок с трещиной. Трещина похожа на крыло ангела.

«Белый ангел на иконе» — всплывает в голове.

Она пытается представить его. Ангела. Спасителя. Единственного мужчину, который её не предаст. Но перед глазами — только потолок. И трещина. И тяжёлое дыхание Сергея над ухом. Она закрывает глаза. Она не знает, что через несколько секунд граница будет пересечена. Что она перестанет быть «чистым сосудом». Что Бог, которому она обещала себя, получит назад не дар, а то, что у неё отняли. Она не знает, что эта ночь станет концом одной жизни и началом другой — тёмной, долгой, одинокой. Она знает только одно: она сказала «останься». И теперь уже ничего не остановить.

Сергей тянет её свитер вверх. Анна чувствует, как ткань скользит по коже. Она открывает глаза и смотрит в сторону — на дверь в прихожую. Дверь открыта. В коридоре горит свет. Она видит порог — ту самую линию, которую переступила час назад.

Порог между «до» и «после». Между той Анной, которая верила, что Бог её защитит, и той, которая сейчас поймёт, что защищать её некому. Она смотрит на порог и думает: *«Если бы я не открыла дверь...»* Но она открыла. Сергей нависает над ней, заслоняя свет. Анна закрывает глаза. Дальше — темнота.

Глава 11. Железо и мёд

Она смотрит на потолок. Трещина. Она помнит эту трещину. В прошлом году, когда лили крышу, протекла вода, и штукатурка пошла полосой. Она тогда думала: надо бы заделать. Но не заделала. Теперь трещина похожа на крыло. Ангельское крыло. *«Белый ангел на иконе»* — откуда-то издалека приходит мысль. Ангел смотрит. Ангел видит. Она ждёт, что ангел сделает что-то. Разверзнет землю. Поразит молнией. Хотя бы отвернётся. Ангел не отворачивается. Ангел смотрит. Ангел — трещина в штукатурке.

Она не знала, что мужчина может быть таким тяжёлым. В её мире мужчины были лёгкими — на иконах, в молитвах, в воспоминаниях. Отец подбрасывал её до потолка, и она летела. А этот — давит. Прижимает к кровати, как доску к верстаку. *«Не дави»* — хочет сказать она. Но рот закрыт его губами.

На столе стоит ваза с мёдом. Она поставила её сегодня утром. Думала: «Сергей будет пить чай, может быть, захочет мёду». Глупо. Какая глупость. Он не пьёт чай с мёдом. Он пьёт кофе. Чёрный. Она знает это. Но всё равно поставила вазу.

Теперь мёд пахнет скипидаром. Это странно. Мёд должен пахнуть цветами, липой, летом. А пахнет скипидаром — острым, химическим, чужим. Может быть, это не мёд. Может быть, это она. Может быть, она пахнет скипидаром.

Ткань рвётся. Она слышит это отчётливо — треск, как будто разрывают бумагу. Бумагу. Да, как бумагу. Её платье. Светлый свитер, который она купила в секонд-хенде. Он был такой мягкий, такой тёплый. Она так радовалась ему. Она думала: «Я больше не ношу чёрное. Я ношу светлое. Я изменилась». Теперь он рвётся. Звук такой, будто рвут что-то неживое. Может быть, это не её. Может быть, это платье само по себе. Оно рвётся, а она здесь ни при чём.

«Я здесь ни при чём» — это хорошая мысль. Она держится за неё.

Кто-то кричит на улице. Женщина. Старая женщина.

— Кис-кис-кис! Кис-кис-кис!

Она зовёт кота. Каждую ночь она зовёт кота. Анна слышит её всегда, когда не может уснуть. И сейчас она зовёт.

— Кис-кис-кис!

Анна думает о коте. Какой он? Рыжий? Чёрный? Может быть, полосатый. Она его никогда не видела, только слышала. Каждую ночь. Кис-кис-кис. Голос такой обычный. Такой нормальный. А здесь, в этой комнате, происходит что-то, что не должно происходить. И этот голос — как ниточка к нормальному миру. Миру, где люди ищут котов. Где никто никого не давит. Где платья не рвутся.

— Кис-кис-кис!

Анна смотрит в потолок и слушает голос. Она пытается быть там, на улице, с женщиной. Она ищет кота. Рыжего. Полосатого. Он здесь, под кустом. Она видит его. Она протягивает руку. Кот трётся о её ладонь. Мурлычет.

— Кис-кис-кис.

Сергей. что-то говорит. Сергей. Она слышит его голос, но не понимает слов. Голос тяжёлый, как и он сам. Слова падают на неё, как камни. Она не хочет знать, что он говорит. Она закрывает уши. Внутри. *«Не слушай. Смотри на трещину. Трещина — это крыло. Ангел смотрит. Ангел видит. Ангел сейчас...»*

Она думает о том, что надо было заделать трещину. Прошлым летом. Купить шпаклёвку, шпатель, замазать. Потом покрасить. И не было бы сейчас этого крыла. Не на что было бы смотреть. Может быть, тогда она бы смотрела в другую сторону. Может быть, тогда она бы... *«Не думай. Смотри на трещину».*

Она не знала, что это будет так больно. Никто не говорил ей. В книгах, которые она читала, боль была духовной. Мученицы улыбались на кострах. Они пели гимны. Они были выше боли. А она — нет. Она не выше. Она очень низко. Она под ним. Она кусает губу, чтобы не закричать. Губа трескается, и она чувствует вкус крови. Железо. Железо во рту. Железо и мёд. Мёд на столе, железо во рту. Вкус причастия наоборот.

Она вспоминает первое причастие. Ей 5 лет. Она стоит перед чашей, батюшка держит лжицу. Она открывает рот. Тёплое вино, кусочек просфоры. И ощущение, что её обняли. Кто-то большой, сильный, тёплый обнял её, и она поняла: «Отец. У меня есть Отец. Он не уйдёт». Сейчас она открывает рот, и в него входит не Тело Христово. Она закрывает рот. Крепко. Зубы сжаты. *«Не открывай. Не открывай. Ничего не впускай».*

Голос за окном удаляется. Женщина ушла. Кота не нашла.

— Кис-кис-кис — теперь это звучит далеко, как эхо.

Анна остаётся одна. С потолком. С трещиной. С тяжестью. Она не плачет. Слёзы не идут. Глаза сухие, как будто все слёзы, которые в ней были, испарились. Осталась только сухость. И трещина.

Она замечает, что смотрит не на потолок. Она смотрит на икону. Богородицу. Та стоит на столе, рядом с вазой с мёдом. Богородица смотрит на неё. Не на него. На неё. И в глазах Богородицы — не гнев, не осуждение. Что-то другое. Анна не может разобрать. Может быть, это боль. Может быть, это... *«Мать».*

Мать смотрит на дочь. Анна хочет сказать: «Помоги». Но рот не открывается. Он закрыт. Она говорит глазами: «Помоги». Богородица молчит. Икона — это краски на дереве. Краски не помогают. Анна знает это. Она всегда знала. Но сейчас она забыла.

В какой-то момент тяжесть уходит. Не сразу. Сначала он тяжело дышит над ухом, потом откидывается, потом встаёт. Она чувствует холод. Там, где было горячо, теперь холодно. Воздух касается кожи, и она понимает, что её тело открыто. Она не помнит, когда оно стало открытым. Она не шевелится. Лежит, глядя в потолок. Сергей говорит что-то. Она не слышит. Он трогает её за плечо. Она не чувствует. Он стоит над ней. Молчит. Потом идёт в ванную. Слышно, как течёт вода.

Анна лежит. Трещина на потолке — это крыло. Ангел смотрел. Ангел видел. Ангел ничего не сделал. *«Почему?»* — спрашивает она. Трещина не отвечает.

Пепел остывает. Анна сидит на полу, глядя на чёрную кучку на тарелке. Она провела по ней пальцем — пепел рассыпался, оставив на коже серый след. *«Прах ты и в прах возвратишься»* — приходит в голову. Она смотрит на свой палец. Серый след. Она трёт его о джинсы, но он не стирается. Втирается в кожу. Она встаёт. Идёт в комнату. Останавливается перед иконой Богородицы.

— Ты видела, — говорит она вслух.

Голос чужой, хриплый. Она не узнаёт его.

— Ты видела и ничего не сделала.

Богородица молчит.

— Почему? — спрашивает она. — Почему ты не помогла? Я молилась тебе всю жизнь. Я верила. Я жертвовала. Я...

Она не может закончить. Горло перехватывает. Она протягивает руку к иконе. Хочет снять её. Убрать. Выбросить. Но рука застывает в воздухе. Она не может. Она не может убрать икону. Не может выбросить Бога. Не может перестать верить — даже сейчас, когда вера стала ножом в груди. Она опускает руку. Садится на пол перед иконой. Смотрит на Богородицу снизу вверх.

— Я не понимаю, — шепчет она. — Я не понимаю.

Проходит час. Или два. Анна не знает. Она сидит на полу, прислонившись спиной к стене. Ноги затекли. Она не чувствует их. Взгляд скользит по комнате. Иконы. Книги. Стопка житий

на тумбочке. Чётки на гвоздике. Всё это было её жизнью. Её защитой. Её смыслом. Теперь это просто вещи. Дерево. Бумага. Верёвка. Она смотрит на чётки. Берёт их. Деревянные бусины, потёртые от молитв. Она перебирает их сотни раз. Тысячи. Она сжимает чётки в кулаке. Дерево впивается в ладонь.

— Я молилась, — говорит она, обращаясь к иконам, к стенам, к пустоте. — Я молилась каждый день. Каждый час. Я просила сохранить меня. Я просила защитить. Я...

Голос срывается.

— Я делала всё правильно. Почему Ты не услышал?

Тишина. Она швыряет чётки в стену. Они ударяются об икону Спаса и падают на пол. Бусины рассыпаются. Катятся по полу, как горох. Одна закатывается под кровать. Анна смотрит на рассыпанные чётки и чувствует, как что-то рвётся внутри. Не сердце. Что-то другое. Та ниточка, которая связывала её с Богом. Она только что перерезала её сама.

Телефон звонит. Она не смотрит на экран. Звонок затихает. Через минуту — снова. Она берёт телефон. На экране — «Сергей». Она смотрит на имя. Семь букв. Она произносила их вслух, когда звала его. Она написала их в дневнике. Она думала о них, когда засыпала. Теперь они ничего не значат. Она нажимает «отклонить». Телефон затихает. Через минуту приходит сообщение:

«Анна, ты как? Я волнуюсь. Ответь».

Она смотрит на сообщение. Читает его раз, другой, третий.

«Я волнуюсь».

Он волнуется. Она смеётся. Коротко, хрипло, страшно. Смех вырывается из горла, как кашель. Он волнуется. Он, который... Он волнуется. Она удаляет сообщение. Блокирует номер. Кладёт телефон на пол экраном вниз.

Она идёт в ванную. Снова. Смотрит на себя в зеркало. Губа разбита, запеклась кровь. На шее — красные пятна. На запястьях — синяки в форме пальцев. Она поворачивается боком. Смотрит на своё тело в отражении. Тело, которое она считала храмом. Тело, которое она обещала Богу. Тело, которое она берегла 27 лет. Теперь это просто тело. Оно болит. Оно отмечено. Оно — улика. Она подносит руку к шее, касается синяков. Больно. Хорошо.

— Сосуд скверный, — говорит она своему отражению. — Вот ты кто теперь.

Она произносит это спокойно, как констатацию факта. Без истерики. Без слёз. Просто — факт. Она берёт расчёску. Расчёсывает спутанные волосы. Тянет сильно, выдирая колтуны. Боль помогает думать. Она думает о монастыре. О письме игуменьи, которое лежит на столе. О том, что через неделю она должна была туда уехать. *«Сосуд скверный не нужен в монастыре».* Она откладывает расчёску. Смотрит на себя.

— Что теперь? — спрашивает она.

Отражение молчит.

Она возвращается в комнату. Садится за стол. Перед ней — письмо игуменьи Серафимы. Она читает его снова. В который раз.

«Готова ли ты? Не твоя душа — о душе мы поговорим позже. Готово ли твоё тело?»

Она смотрит на эти слова и смеётся. Тем же страшным смехом. Готово ли её тело? Её тело использовали. Её тело осквернили. Её тело больше не принадлежит ей.

— Нет, матушка, — говорит она письму. — Моё тело не готово. Моё тело... — она замолкает.

Она берёт письмо, складывает, убирает в конверт. Кладёт в ящик стола. Не рвёт. Не сжигает. Просто — убирает. Не сейчас. Она не может сейчас с этим разобраться.

Она ложится на кровать. Ту самую. Простыни она сняла, но матрас... матрас помнит. Она лежит на спине, глядя в потолок. Трещина всё там же.

— Ты смотрел, — говорит она ангелу на потолке. — Ты видел. И ничего.

Она ждёт ответа. Ответа нет.

— Ты не спас меня. Значит, ты не можешь спасти. Или не хочешь.

Она замолкает.

— Или меня не за что спасать.

Она закрывает глаза. Не спать. Просто — закрыть. Перед глазами — обрывки. Утки на пруду. Она смеётся, бросает им хлеб. Снегопад. Золотые снежинки в свете фонарей. Сергей ловит снежинки ртом, как ребёнок. Его рука, сжимающая её пальцы. Поцелуй в лоб у подъезда. «Я ничего не сделаю, чего ты не захочешь». Она открывает глаза. Садится.

— Я не хотела этого, — говорит она вслух. — Я не хотела. Я сказала «останься», но я не хотела... этого.

Слова звучат глупо. Фальшиво. Она сама себе не верит.

«Ты сама сказала "останься"» — голос Сергея в её голове.

«Ты сама сказала».

— Я не хотела, — повторяет она, но голос тише.

Она не знает, что она хотела. Она хотела быть рядом. Хотела тепла. Хотела, чтобы он обнял её. Хотела... она хотела любви. Она не хотела этого. Но разница между «будь со мной» и «делай со мной что хочешь» оказалась слишком тонкой. А может быть, её вообще не было. Может быть, она сама... Она не додумывает. Она не может додумать.

Она встаёт, идёт на кухню, открывает холодильник. Там пусто. Только хлеб и масло. Она намазывает масло на хлеб, откусывает. Жуёт без вкуса. Смотрит в окно. На улице темно. Снег перестал идти. Двор пуст. Она вспоминает женщину, которая звала кота. «Кис-кис-кис». Где теперь этот кот? Нашёлся? Сидит дома, греется на батарее, не знает, что этой ночью кто-то звал его, чтобы не слышать того, что происходит в пятой квартире на пятом этаже.

— Кот, — говорит Анна. — Тебе повезло. У тебя есть кто-то, кто ищет тебя.

Она ставит хлеб на стол. Идёт в комнату. Садится на пол, прислонившись к кровати. И снова слёзы. Не истерика. Не крик. Тихие, медленные, бесконечные. Она плачет и не может остановиться. Слёзы текут по щекам, капают на свитер. Свитер — тот самый, разорванный. Она так и не сняла его.

Она смотрит на дыру на плече, проводит пальцем по рваному краю.

— Прости, — шепчет она свитеру. — Я не уберегла тебя.

Она не знает, о чём говорит. О свитере. О себе. За окном светает. Серый, тяжёлый рассвет. Анна сидит на полу, глядя в окно. Снег пошёл снова. Крупные хлопья падают на подоконник, тают, оставляя мокрые следы. Она смотрит на снег и вдруг понимает: она не та, кем была вчера. Та Анна, которая встала утром, поставила вазу с мёдом, надела светлый свитер, ждала вечера, — та Анна умерла. Её больше нет.

Новая Анна сидит на полу в разорванной одежде, с разбитой губой, с пустыми глазами. Новая Анна не знает, кто она. Не знает, во что верит. Не знает, как жить дальше. Она знает только одно: её жизнь кончилась. Не сегодня, не этой ночью — раньше. Может быть, тогда, когда она сказала «останься». Может быть, тогда, когда она впервые улыбнулась ему. Может быть, тогда, когда она решила, что может быть счастлива по-человечески. Она обманула себя. Она поверила, что может быть обычной. Что может быть женщиной. Что может быть любимой. Она не может. Она — сосуд скверный. Она — прах. Она — пустота. Анна закрывает глаза. Прислоняется головой к кровати. И ждёт. Не знает чего. Смерти? Сна? Забвения? Она просто ждёт. Потому что делать больше нечего.

За окном падает снег. Кто-то во дворе скребёт лопатой. Жизнь идёт своим чередом. Для всех, кроме неё.

Глава 12. Пустая скиния

Свет. Серый, утренний, липкий. Он просачивается сквозь занавески, ложится на пол полосами. Анна сидит на полу, прислонившись к кровати. Она не помнит, как оказалась здесь. Не помнит, когда закрыла глаза. Не помнит, спала ли. Тело болит. Но боль — далёкая, как будто не её. Как будто она смотрит на чужое тело со стороны.

Она поворачивает голову. На тумбочке — икона Богородицы. Лик смотрит на неё. Анна смотрит в ответ. Ждёт. Чего? Она не знает. Богородица молчит. Анна отворачивается.

Она встаёт. Ноги не слушаются, приходится опереться на кровать. Она смотрит на матрас. На нём — пятна. Красновато-бурые. Она помнит их. Вчера она сняла простыни, но матрас... матрас впитал. Она отворачивается. Идёт на кухню. Останавливается у порога. На столе — ваза. Пустая. Вчера там был мёд. Она выбросила его в снег.

На столе — пустая коробка из-под «Птичьего молока». Вчера она съела последние конфеты. Или не вчера? Она не помнит. На столе — две чашки. Её и его. Она смотрит на чашки. Его чашка — чёрная, с золотым ободком. Она купила её на распродаже год назад, думала: «Пригодится, когда придут гости». Гости не приходили. Чашка стояла в шкафу, пылилась. Вчера она достала её. Поставила на стол. Налила чай. Поставила мёд.

«Пригодилась» — думает она.

Она берёт чашку, несёт в раковину. Ставит. Смотрит на неё. Потом берёт молоток для отбивных из ящика. Она не думает. Она просто делает. Удар. Чашка разлетается на куски. Чёрные осколки падают в раковину, звенят. Золотой ободок блестит под утренним светом. Анна смотрит на осколки. Дышит. В первый раз за это утро она чувствует что-то. Облегчение? Нет. Тишину.

Она берёт свою чашку. Белую, с цветочками. Единственная, которой она пользовалась годами. Она поднимает молоток. Останавливается. Свою чашку она не разбивает. Она ставит её на место. Убирает молоток. Идёт в ванную.

Она стоит перед зеркалом и смотрит на себя. Долго. Так долго, что лицо в отражении начинает казаться чужим. Растрёпанные волосы. Светлые, спутанные, торчат в разные стороны. Лицо бледное, почти белое. Губа разбита, запеклась чёрной корочкой. Под глазами — тени, синие, как синяки. На шее — синяки. Пять пальцев. Отпечатки. Она проводит по ним пальцем. Больно. Значит, это не сон. Она смотрит в глаза. Серые, пустые. В них нет ничего. Ни страха, ни боли, ни надежды. Просто — пустота. Она смотрит в глаза женщине в зеркале и не узнаёт её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.